

ТРОПОЙ КОЛОТА

ПЛУТОВСКИЕ СКАЗКИ

ХОЛЛИ БЛЭК

ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ, ТЕОДОР ГОСС, ДЖЕФФРИ ФОРД, ПАТРИЦИЯ МАКЖИЛЛИП И ДР.
Составители Эллен Датлоу и Терри Виндлинг

**Холли Блэк
Делия Шерман
Кэтрин Вас
Кэролин Данн
Майкл Кеднам
Эллен Клейджес
Джедедаия Берри
Чарльз де Линт
Уилл Шеттерли
Джейн Йолен
Мидори Снайдер
Патриция Маккиллип
Кристофер Барзак
Ким Антио
Пэт Мэрфи
Эллен Кашнер
Кидж Джонсон
Элизабет И. Уин
Ричард Боус
Келли Линк
Стив Берман**

**Джеффри Форд
Кэролайн Стивермер
Кэрол Эмшвиллер
Теодора Госс
Нина Кирики Хоффман
Терри Виндлинг
Эллен Датлоу
Тропой Койота.
Плутовские сказки
Серия «Мастера магического
реализма (АСТ)»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42132837
Тропой Койота: Плутовские сказки / [Ред.-сост. Э. Датлоу, Т.
Виндлинг]: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112863-0*

Аннотация

Добро пожаловать на страницы третьего тома серии антологий «мифической фантастики» от прославленных составителей Эллен Датлоу и Терри Виндлинг! В «Зеленом рыцаре» они

исследовали лесной фольклор. В «Пляске фэйри» – наблюдали за феями, эльфами и прочими духами природных стихий. А сейчас обращают внимание читателей на трикстера – непредсказуемого и неугомонного персонажа, которого можно найти в сказках, мифах и легендах всего мира. Койот. Ананси. Братец Кролик. Лис Рейнард. Локи. Мауи. Тиль Уленшпигель. Истории о трикстерах – лукавых и могучих, беспринципных и мудрых, жестоких и обаятельных – испокон веков являются одним из основных сюжетов произведений фольклорной литературы. Теперь перед вами – двадцать шесть новых сказок и мифов о трикстерах от признанных корифеев современной фантастики – Холли Блэк, Чарльза де Линта, Патриции Маккиллипп, Джеффри Форда, Джейн Йолен и многих других.

Содержание

Предисловие	7
Вступительное слово	13
Непарные башмаки	42
Койотиха	70
Игроки с Золотых гор	76
Те, кто нас слушает	116
Реальней тебя самого	152
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Тропой Койота: Плутовские сказки (Ред.–сост. Эллен Датлоу, Терри Виндлинг)

Edited by Ellen Datlow & Terri Windling
The Coyote Road: Trickster Tales

© 2007 by Ellen Datlow and Terri Windling. All rights reserved

© Д. А. Старков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Эта книга – под хоровое пение койотов – посвящается Шерин Новембер, так славно, так чудесно поддерживающей наши набеги на царство мифов.

Э. Д. и Т. В.

Предисловие

Эллен Датлоу и Терри Виндлинг

1

Добро пожаловать на страницы третьего тома нашей серии антологий «мифической фантастики», в котором собраны новые истории, навеянные темами древних мифов. В «Зеленом рыцаре» мы исследовали лесной фольклор. В «Пляске фэйри» наблюдали за феями, эльфами и прочими духами природных стихий со всего земного шара. Сейчас мы обращаем ваше внимание на трикстера – непредсказуемого и неугомонного персонажа, которого можно найти в сказках всего мира. Обманщик, вор, насмешник, бедокур и проказник, и в то же время демиург, творец мира, трикстер полон парадоксов. Он хитер и умен, и вместе с тем поразительно взбалмошен, он – созидатель, и вместе с тем – разрушитель. Мифические повествования о трикстере зачастую смешны, однако не стоит принимать его за безобидного шутника. Столкновение с трикстером может оказаться весьма зловещим и даже губительным. По меньшей мере, обманет или оберет до нитки, и даже мимолетное знакомство с ним,

¹ Preface copyright © Ellen Datlow and Terri Windling, 2007.

скорее всего, перевернет вверх дном всю вашу жизнь. Он – нарушитель границ и законов, зачинатель превращений и перемен. Недаром Алан Гарнер, великий британский писатель и фольклорист, называет трикстера «адвокатом непостоянства». Он пролагает границы хаоса, чтоб мы могли осмыслить остальное. Он – тень, придающая форму свету.

Ключевое отличие мифологического трикстера от мелко-го мошенника или дурачка – в двойственности характера: он одновременно добр и зол, одновременно мудр и глуп, одновременно свят и нечестив. Например, в некоторых сказках именно трикстер дарует людям огонь и язык, учит их охотиться, заниматься любовью и творить... но в других он же приносит нам голод, хвори, болезненные роды и смерть. Во всемирной мифологии трикстер появляется под множеством разных масок. Порой он играет в самых возвышенных сказках культурной традиции главную, звездную роль, порой же ютится с краешку, врываясь в повествование только затем, чтобы «разворошить муравейник». Порой он принимает облик бога, как Гермес в греческой мифологии или Легба африканских поверий. Порой появляется в обличье зверя – скажем, Койота, Ворона, Кролика из сказок различных североамериканских индейских племен. Порой он – проказливый дух или эльф, как Пак (он же – Робин Добрый Малый) английского фольклора и оборотни-пука ирландских сказаний. Порой он – вымышленное человеческое существо, как, например, Джек из народных сказок Аппалачей или евро-

пейский Тиль Уленшпигель. В большинстве мифов и легенд трикстер принадлежит к мужскому полу, но есть и трикстеры-женщины – как, например, очаровательные, соблазнительные и смертельно опасные «кицунэ», лисы-оборотни из Японии и Кореи.

Клоуны, комедианты, карнавальные шуты, пройдохи, маски комедия дель арте (итальянского народного театра) – все это в большей или меньшей степени потомки трикстера, прибегающие к силе своего хитроумия, дабы поражать и изумлять, вести рискованную игру с общественными нормами. Анархическому, веселому, неуправляемому духу трикстера посвящены целые празднества – такие, как карнавалы в день зимнего солнцестояния, иудейский Пурим или христианский Праздник дураков.

Хотя архетип трикстера стар, как мир, он – персонаж вполне современный, значительная часть культуры наших дней. Капитан Джек Воробей из «Пиратов Карибского моря», Барт из сериала «Симпсоны» и Дж. Р. «Боб» Доббс из Церкви недомудреца² – всего лишь несколько из множества

² Церковь недомудреца (*англ.* Church of the SubGenius) – американская пародийная религия, основанная в 1970-х годах Ивэном Стэнгом. Культ строится вокруг продавца бурильного оборудования Дж. Р. «Боба» Доббса, который в 1953 году на собственноручно сконструированном телевизоре узрел образ Иеговы 1 и провозгласил себя пророком. Доббс считается величайшим продавцом за всю историю человечества, сумевшим многократно обмануть саму смерть. По результатам интернет-опроса, проведенного журналом «Time» в 1999 году, Доббс занял первое место в категории «Величайшая подделка или мошенничество двадцатого века». – *Примеч. ред. Если не указано иное, в иных случаях, – примеч. пер.*

трикстеров, переворачивающих современную жизнь вверх дном. Но самый известный и любимый из всех современных трикстеров – конечно же, пресловутый Багз Банни. Этот кролик соответствует архетипу трикстера на все сто: он – лукавый, анархичный, проказливый насмешник, герой и хулиган в одно и то же время. Он нарушает законы общества (ворует, мошенничает, переодевается в женское платье, лупит людей молотком по макушке), однако мы-то болеем за Багза, а не за его заклятого врага, упорного охотника Элмера Фадда!

Вот что пишет о нем писательница Эллен Кашнер, работающая в жанре фэнтези: «Должна признаться, в детстве я не очень-то любила мультики про Багза Банни – от их иррациональности, от такого множества насилия мне всякий раз становилось не по себе, но я, конечно же, смотрела их, не отрываясь. И вот о чем не следует забывать. Неважно, кто ты – человек двадцать первого века, наблюдающий за трикстером на экране семейного алтаря в гостиной либо у общинного костра (то есть, на экране кинотеатра), или слушаешь старые сказания в индейской парной либо под звездным небом, ни на минуту не забывай: трикстер тебе не друг! Выходки трикстера могут нести людям хоть пользу, хоть вред – на это трикстеру плевать, лишь бы шутка была забавна».

Выбрав темой этой антологии плутовские сказки, то есть, истории о трикстере, мы понимали, что ступаем на тернистый путь: ведь привлекать к себе внимание трикстера – дело крайне рискованное. Но, невзирая на это, мы отважно

двинулись в путь и попросили ряд наших любимых писателей продемонстрировать нам свои взгляды на трикстера – и они превосходно справились с задачей, какие бы козни ни строил им Князь Беспорядка. Некоторые присланные ими сказки повествовали о совершенно определенных трикстерах из мировой мифологии, другие были навеяны трикстерским духом нарушения законов и границ, переворачивания с ног на голову жизни и миров, злодейства, кроющегося под маской добродетели, спасения, таящегося в актах разрушения. В этой книге вы найдете сказки, действие коих происходит и в прошлом, и в настоящем, и в безвременных просторах несуществующих миров. Все это – сказания о коварных богах, о вероломных смертных, об умных зверях, о плутах и обманщиках всех мастей, о том, что бывает, когда нарушаешь законы и – на горе себе или на счастье – показываешь фигу судьбе.

«Встать на тропу койота» в легендах североамериканских индейцев означает пойти навстречу безумной, непредсказуемой, изменчивой судьбе... то есть, последовать путем трикстера, а он и небезопасен, и не так уж гладок. Идите с опаской, держитесь начеку. Он может отнять у вас самое дорогое, а может и одарить тем, в чем вы нуждаетесь сильнее всего на свете. Или и то и другое. В одном можете не сомневаться: он перевернет вашу жизнь вверх тормашками. И, вероятно, от души посмеется над этим.

Эллен Датлоу и Терри Виндлинг

Вступительное слово

Терри Виндлинг

3

Слушайте же: я расскажу вам сказку. Случилось это в те времена, когда все звери были людьми, Звериным Народом, а Людской Народ еще не появился.

Но вот однажды созвал Создатель весь Звериный Народ вместе и сказал:

– Ждите перемен. В мир идут новые люди, а вам, старым людям, придется менять имена. Приходите сюда завтра поутру и выберите новые, кому какое по вкусу. Кто первым придет, первым и выбирает, пока все имена не кончатся.

Сказал он так, и домой ушел, спать.

Возвращается Койот к Кротихе, своей жене, и просто места себе не находит – вертится, чешется, задумался глубоко. Встревожилась Кротиха. Известное дело – если уж Койот думать начал, так и знай: не миновать беды.

Тут Койот и говорит:

– Кротиха, – говорит, – разожги-ка костер, я спать до

утра не лягу. Завтра буду в очереди у порога Создателя первым. Хочу себе новое имя – звучное, славное, лучше прежнего. Грозное. Может, – говорит, – Медведем стану. А может, Лососем. А может, Орлом. То-то все вокруг начнут меня уважать!

И вот сидит Койот у костра, гонит сон прочь, что есть сил, но не тут-то было. Закрыв Койот глаза и сразу же захрапел.

А Кротиha Койота будить не торопится. «Если, – думает, – займет Койот имя получше, так, чего доброго, возьмет да уйдет от меня, паршивец пронирыливый!»

Подождала Кротиha, пока солнце повыше не поднимется, да только тогда мужа и разбудила. Помчался Койот к Создателю во весь дух, но безнадежно опоздал. Все громкие, славные имена до него разобрали. Все прочие имена – тоже. Одно только имя и осталось – Койот. Никто на него не позарился. Сидит Койот у костра Создателя, притих, опечалился. Пожалел его Создатель и говорит:

– Койот, старый дружище, это же хорошо, что ты при старом имени остался! За этим-то я и устроил так, чтоб ты не просыпался подольше. У меня есть для тебя важное дело. В мир явился Людской Народ, и кто же, как не ты, им подсобит? Глянуть на них – ничего-то они не знают, ничего не умеют. Ни охотиться, ни рыбачить, ни одеваться, ни петь, ни плясать – ничего. Вот ты им и покажи, научи все это делать, как полагается.

Запрыгал Койот, заулыбался во всю клыкастую пасть.

– Так значит, – говорит, – быть мне Великим Вождем этих новых людей!

– Ну да, что-то вроде того, – смеется Создатель. – Вот только, видишь ли, ты ведь все тот же Старый Койот. Все тот же дурень, каким прожил всю жизнь. Но ничего, я тебе помогу. Отныне будешь ты иметь особый дар. Сможешь превращаться во что пожелаешь, слышать любой разговор, кроме разговора воды, а если умрешь – возвращаться к жизни. Ну, а теперь ступай, делай свое дело.

Вышел Койот из типи Создателя – от радости сам не свой. Пошел искать Людской Народ, дело свое пошел делать. Уж он-то им покажет, научит, как надо! С этого-то все людские злосчастья и начались...

Сейчас зима, я сижу в пустыне Сонора, штат Аризона, и размышляю о Койоте и его мешке, битком набитом плутовскими сказками. У ряда североамериканских индейских племен рассказывать сказки о Койоте в любое другое время года считается неуместным и даже опасным: во-первых, это неуважение к Койоту, а во-вторых, привлекать к себе его внимание, рассказывая о нем в неподобающее время – не к добру. Прямо за окном моего кабинета, в сухом русле ручья, частенько появляются дикие койоты – родичи легендарного трикстера. Эти прекрасные создания не поддаются приручению и вполне разумно опасаются людей. Здесь, на границе

Тусона с пустыней, койоты – зрелище вполне обычное, но в последнее время они, похоже, появляются все чаще и чаще – привлеченные моим интересом к сказкам о них, скажут приверженцы традиций. И верно: одно дело – читать сказки о Койоте вдали от естественных мест его обитания, как я прочла их впервые годы назад, в Нью-Йорке, и совсем иное – читать их здесь, где по ночам койоты бродят прямо во дворе, издавая тот самый жутковатый клич, так удивительно похожий на смех.

Именно здесь, в пустыне Сонора, я действительно начала понимать, насколько тесно мифы связаны с географией стран их происхождения, насколько меняется устный рассказ, перенесенный на книжные страницы и разлученный с породившей его землей. Печатные версии сказок о Койоте слишком уж часто напоминают читателям из городов и пригородов простые детские небылицы: вот отчего у бобра плоский хвост, вот откуда взялись звезды на небе... В изустной же традиции сказки о Койоте примечательны сочетанием возмутительного (а порой и откровенно скабрезного) юмора с элементами необычайной глубины: священное и вульгарное в этих сказках крепко связаны воедино.

– Сказки эти смешны, – говорили мои друзья-навахо, – но при том сакральны и очень серьезны. Трикстер напоминает нам: не опускайтесь в мыслях до простой двойственности, добро может рождаться из зла и наоборот, хорошее и плохое не всегда разведены по противоположным полюсам.

Возможно, Койот – самый известный мифологический трикстер в Северной Америке, но популярных трикстеров в мифах и легендах всего света – великое множество. Они живут повсюду, от лесов северной Канады до джунглей Амазонки, от узких лесистых долин Британских островов до населенных призраками храмов Востока. Трикстеры – создания противоречивые. Они – обманщики, прохвосты, жулики, глупцы, фигляры, мошенники, распутники и воры, но также – культурные герои, чьи трюки могут и причинять великий вред и творить великое добро, чьи истории служат укреплению тех самых традиций, которые они выставляют на смех. Как отмечает фольклорист Кристофер Векси, говоря о западноафриканских трикстерах: «Ломающая культурные шаблоны, трикстер помогает познавать их. Поступая безответственно, он помогает понять, что такое ответственность»⁴. Роль трикстера – возмутитель спокойствия, игнорирующий общепринятые нормы, ломающий традиционные рамки и тем самым инициирующий перемены – возможно, к добру, возможно, к худу.

Трикстер может быть созидателем и разрушителем, хитроумным героем и коварным злодеем; чаще всего он – персонаж амбивалентный, то и дело перескакивающий от одного к другому. Нередко он изображается как существо, со-

⁴ “The Exception Who Proves the Rules: Ananse the Akan Trickster” by Christopher Vecsey, published in *Mythical Trickster Figures*, edited by Hynes and Doty (University of Alabama Press, 1997).

вершенно неспособное устоять перед своим же чрезмерным тщеславием и чудовищными аппетитами (к еде, сексу, авторитету, общественному признанию и т. д.), постоянно подстрекаемое ими к действию и никогда не унывающее в случае неудач. Как отмечает Роберт Д. Пелтон в «Трикстере в Западной Африке», трикстеры – «существа первопричин, пребывающие в сложных отношениях с Высшим Божеством; преобразователи, помогающие миру людей стать таким, каков он есть; вершители героических подвигов на благо людей; однако в изначальном облике и в некоторых более поздних формах они глупы, бесстыдны, смехотворно нелепы – но, тем не менее, непобедимы»⁵.

Впервые слово «трикстер» появилось в Оксфордском словаре английского языка в восемнадцатом столетии. Определение гласило: «тот, кто жульничает, обманывает». С девятнадцатого века и по сей день этот термин используется литературоведами и фольклористами для обозначения широкого спектра плутов, от «мудрых глупцов» из шекспировских пьес до проказливых пука ирландских сказаний. В ранние годы изучения фольклора ученые, собиравшие народные сказки в Африке, Азии и обеих Америках, нередко смягчали, приглаживали непристойный сортирный юмор традиционных сказок о трикстере, а то и вовсе исключали эти сказки из исследования, сочтя их слишком грубыми, пошлыми

⁵ *The Trickster in West Africa: A Study of Mythic Irony and Sacred Delight* by Robert D. Pelton (University of California Press, 1980).

либо фривольными для публикации. Подобно им, и некоторые туземные рассказчики избегали рассказывать сказки о трикстере фольклористам и этнографам – либо ради того, чтобы избавить ученых от смущения, либо потому, что иностранцам не удавалось понять серьезности и глубины столь грубых и приземленных историй.

– Белагана [то есть, белому человеку], – объяснил мне сказитель-навахо, – трудно понять, как смешные сказки могут быть и священными сказаниями. Койот – пример того, что случится с тем, кто не может жить в согласии и заботиться о близких. Койот всегда голоден, всегда ленив, всегда за чужими женами охотится. Ни о ком не думает, кроме себя самого. Все делает не так, все у него как попало. Да, это смешно, но еще и поучительно.

Вычленить и описать трикстера как особый мифологический архетип помогли три очень важные, основополагающие работы, написанные в XX веке (хотя об определяющих его признаках ученые спорят по сей день). Это *Hermes the Thief: The Evolution of a Myth* Нормана О. Брауна (1947), *The Trickster: A Study in American Indian Mythology* Пола Радина (1956) и *The Zande Trickster* Э. Э. Эванс-Причарда (1967). Эти работы и вдохновленные ими публикации позволили фольклористам понять, насколько широко распространен архетип трикстера, и в должной мере оценить культурную значимость сказок о нем. Роберт Д. Пелтон вспоминает, что описание трикстера в рамках введения в историю ре-

лигий в Чикагском университете привело его в подлинный восторг. «Безусловно, о средневековых глупцах, хасидских кроликах, мастерах дзен и обстановке в современных религиозных общинах я знал и до этого, и все это показывало, что комедия – один из ключевых аспектов любой серьезной, живой религии. Смех прорывается наружу даже из среды тех, кто живет в святости. Однако до знакомства с трикстером я не понимал, что многие так называемые «примитивные народы» с радостью славят сию деструктивную силу вместо того, чтобы подавлять ее, или вывести на ее основе какую-нибудь скучную теорию насчет социальной дезадаптации, комизма абсурдного или психологической ценности дуракавания. Более того: открывая смешное в самом сердце святого, эти люди, подобно множеству пророков и пройдох Фланнери О'Коннор, подчеркивают, что это открытие смешного наглядно демонстрирует подлинную суть повседневной жизни»⁶.

Некоторые сказки о трикстере шокирующе сексуальны, полны сортирного юмора и смакования всех тех вещей, что менее всего приветствуются в приличном обществе – грязи, экскрементов, громкого испускания газов, рвоты, чудовищных appetitов и гипертрофированных частей тела вку-

⁶ “West African Tricksters: Web of Purpose, Dance of Delight” by Robert D. Pelton, published in *Mythical Trickster Figures*, edited by Hynes and Doty (University of Alabama Press, 1997).

пе с балаганным насилием в духе «Трех балбесов»⁷. Карл Керényи в своем классическом эссе о данном архетипе называет трикстера «персонификацией жизни тела»⁸. Трикстер восторженно тычет булавкой во все претензии на аристократизм, во все попытки жить умом, а не плотью; он – существо телесное, им движут исключительно порывы и желания, он наделен всеми человеческими недостатками в самой крайней их степени... а также – нашим безграничным оптимизмом, и потому никаким поражениям, неудачам его не сломить. Психолог Карл Юнг видел в трикстере проявление теневой стороны культуры, воплощение всего подавленного и отвергнутого – ненасытного назойливого плута, живущего где-то внутри каждого из нас. Из-за этого внутреннего трикстера мы и восхищаемся его возмутительными выходками... а после, когда все его затеи терпят крах, его это получает щелчок по носу и хаос приведен к порядку, будучи персонами нравственными, смакуем заслуженное им возмездие.

Писательница Мидори Снайдер отмечает: «Мы восхищаемся безграничной энергией трикстера, его отказом соблюдать общепринятые табу, его необузданными желания-

⁷ «Три балбеса» (*англ.* The Three Stooges) – знаменитое американское комедийно-водевильное трио, активное с 1922 по 1970 годы (за это время в составе побывало 6 разных актеров). Снялось в 220 фильмах, главным образом – короткометражных. В 2012 году вышел полнометражный перезапуск фильма братьев Фарелли. – *Примеч. ред.*

⁸ “The Trickster in Relation to Greek Mythology” by Karl Kerényi, published in *The Trickster*, edited by Paul Radin (Bell Publishing, 1956).

ми, потому что они отражают наши собственные желания в самом неприглядном, антиобщественном виде. Взгляните на дядюшку Томпа, тибетского трикстера, прикинувшегося женщиной ради того, чтоб соблазнить богача на брак. Как только свадебные подарки навьючены на спину лошади дядюшки Томпа, а вокруг собралась толпа, дабы пожелать “невесте” счастливого пути, дядюшка Томпа задирает юбки и, к немалому веселью толпы и невыносимому стыду жениха, выставляет напоказ свою истинную анатомию. От трикстера здесь больше, чем может показаться на первый взгляд – не спешите списывать его со счетов, как обычного озорника и дурачка. В трикстерском эпосе племени Виннебаго трикстер большую часть времени предается разврату и обжорству и сеет беды всюду, куда бы ни явился, но в заключительных эпизодах эпоса также странствует по земле как созидатель, творец культуры, расчищающий в мире природы место для людей. У южноафриканских койсанцев то же самое делает Богомол – созидает, упорядочивает, придает миру форму, пригодную для жизни человека. Даже Прометей в европейской мифологии – трикстер (когда крадет у богов огонь), и в то же время культурный герой (когда избавляет человечество от тьмы)»⁹.

Что интересно, и даже загадочно, подавляющее большинство персонажей-трикстеров принадлежит к мужскому по-

⁹ *Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art* by Lewis Hyde (Farrar, Straus & Giroux, 1998).

ду. Отчего? Казалось бы, плутовство и вероломство присуще и тому и другому полу в равной мере. Конечно, женщины-трикстеры в фольклоре имеются – например, коварные и соблазнительные девы-лисы (кицунэ) Японии и Кореи, остроумная Баубо из элевсинских мифов Древней Греции,мышленная тетушка Нэнси из афро-американских сказок и Койотиха из некоторых сказаний индейских племен хопи и тева. Однако таких хитроумных женщин крайне мало, и их положение в культуре сильно уступает статусу соперников-мужчин. (Например, героем большей части сказок тех же хопи и тева является не Койотиха, а более привычный и популярный Койот.) В эссе «Трикстер и пол» Льюис Хайд пытается объяснить этот факт тремя возможными причинами: «Во-первых, все эти трикстеры могут принадлежать к мифологиям, порожденным патриархальным обществом, в котором и главные действующие лица, и даже их противники – как правило, мужчины. Во-вторых, может оказаться неверной сама постановка задачи: вполне возможно, ряд трикстеров-женщин попросту обойден вниманием. И, наконец, третье: многие сказки о трикстерах строятся на некоторой разнице между мужчиной и женщиной, и потому роль трикстера даже в условиях матриархата неизбежно должна принадлежать мужчине»¹⁰.

Трикстер – непревзойденный мастер перевоплощений и появляется в мифах и легендах всего мира во множестве об-

¹⁰ Там же.

личий. Иногда он – бог, зверь, проказливый дух или другое сверхъестественное существо. Иногда – человек-простачок, мастер дзен, мусульманский мулла или черт, подстерегающий путника на перекрестке дорог. Но, как отмечает литературовед Хелен Локк: «...не всякий мошенник или антигерой по праву может быть отнесен к трикстерам. Прodelки истинного трикстера ставят под сомнение самые фундаментальные представления о том, как устроен мир, и демонстрируют возможность изменить их (пусть чаще всего и с низменными целями)»¹¹.

Один из классических трикстеров европейской мифологии – греческий бог Гермес, у римлян известный как Меркурий. Гермес – бог глашатаев, послов, торговли и прибыли, но также, в темной ипостаси – бог лжецов, игроков и воров. Незаконный сын Зевса от плеяды по имени Майя, Гермес не был рожден божеством, но сумел завоевать место среди Бессмертных благодаря своему обаянию, уму и хитрости. Первой его проделкой, совершенной еще во младенчестве, была кража пятидесяти священных коров у самого Аполлона. При этом, дабы замести следы, Гермес прибегает к хитроумным уловкам и затейливому нагромождению лжи. Взрослый Гермес изображается существом изворотливым, сластолюбивым и непредсказуемым, питающим слабость к озорникам, плутам и аферистам всех мастей. Кроме этого, Гермес

¹¹ “Transformations of the Trickster” by Helen Lock, published online in *The Southern Cross Review*, 2002, <http://www.southerncrossreview.org/18/trickster.htm>.

– бог порогов и открытых дверей, бог странствующих и путешественников. Он – Психопомп, проводник душ из царства живых в Потусторонний мир, один из немногих, способных невозбранно путешествовать из одного мира в другой. Метко названный Льюисом Хайдом «владыкой перепутий»¹², он – бог, направляющий или сбивающий с пути человека, идущего из города в город или переходящего из одного состояния в другое.

Еще один классический трикстер – персонаж скандинавских мифов Локи, на счету которого множество хитроумных проделок, принесших богам Асгарда немало вреда и в то же время немало пользы. Происхождение Локи неясно: согласно одним источникам, он – дитя великанов, согласно другим – племянник самого Одина. Он – неисправимый лгун, интриган, вор и любитель розыгрышей, а вдобавок – оборотень, имеющий редкую способность менять пол. В ранних скандинавских сказаниях Локи изображается фигурой совершенно внеэтической, в нем смешаны воедино достоинства и недостатки. Деяния его то полезны, то вредны: его интриги могут навлечь на богов беду, а могут, наоборот, выручить их из беды. Однако в более поздних сказках он (под влиянием христианства) выглядит персонажем просто-таки сатанинским. Последняя его проказа зла: она приводит к гибели Бальдра, сына Одина. За это боги заточают Локи в пещеру, где он обречен оставаться, пока не начнется Рагнарек – тогда он вы-

¹² *Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art.*

рвется на волю и поведет воинство зла на Асгард, в битву.

Эшу-Элегба – бог-трикстер западноафриканского народа йоруба, одно из четырех воинственных божеств, так называемых «ориша». Он – бог порогов и дорог, а также бог общения, бог-вестник: его обязанность – доносить до остальных ориша молитвы людей. Эшу – фигура сложная, многоплановая, играющая основную роль в космологии йоруба, посредник между миром людей и заповедным сверхъестественным царством. Эшу может быть благосклонным, а может и злым. Чаще всего он – и то и другое, и с наслаждением подшучивает как над людьми, так и над прочими богами. Он в значительной мере схож с Легбой – коварным, непредсказуемым трикстером западноафриканского народа фон. Подобно Эшу, Легба также ассоциируется с порогами, воротами, дорогами и путешественниками. В церемониях вуду Легба – «открыватель пути», организатор связи между мирами людей и духов, между мужчинами и женщинами, между разными поколениями, между живыми и мертвыми. Изображаемый древним старцем в лохмотьях, Легба бывает и добр, и жесток, и доверяться ему безоглядно нельзя.

На Гавайях и в Новой Зеландии обитает Мауи, великий полинезийский трикстер, известный и как создатель мира, и как озорник, всюду сующий свой нос. Наполовину бог, наполовину смертный, Мауи – брошенный сын богини, отказавшейся от него из-за человеческого происхождения отца. Маленький и уродливый, но обладающий невероятной фи-

зической силой и изощренным умом, Мауи остается в живых, растет, процветает и заявляет о своем праве на место среди богов. В сказках о его нелепых подвигах Мауи вылавливает со дна моря острова, поднимает над ними небесную твердь, заставляет солнце двигаться медленнее и приносит людям огонь. Однако все эти добрые дела он, как и положено трикстеру, совершает в результате неумемного стремления к исполнению собственных желаний. В конце концов его проделки так надоедают богам, что те сговариваются погубить выскочку-полубога, и Мауи погибает в попытке добыть для людей бессмертие. При этом кровь из его раны окрашивает креветку в красный цвет и образует цвета радуги.

Множество персонажей-трикстеров имеет облик зверей и птиц, иногда взаимодействующих с людьми, а иногда – только с другими зверями. К этой категории относится Койот – и зверь, и человек в одно и то же время. Сказки о нем бытуют у всех коренных американских народов, от Арктики до Мексики, а особенно – среди племен американского Юго-запада и Великих равнин. (Женская версия этого персонажа, Койотиха, встречается в Нью-Мексико и в Аризоне.) Как отмечают фольклористы Ричард Эрдос и Альфонсо Ортис, Койот «сочетает в себе святость и грех, широту натуры и пошлую мелочность, силу и слабость, радость и уныние, героизм и трусость – то есть, все составляющие человеческого характера... В качестве культурного героя Старина Койот создает землю, зверей и людей. Индейский Прометей, он дарит лю-

дям огонь и дневной свет. Он расставляет по местам солнце, луну и звезды. Он учит людей, как жить. В качестве трикстера он жаден, прожорлив и вороват»¹³.

Многие похождения Койота заканчиваются неудачей и нередко приводят его к гибели. Однако к началу новой сказки он, подобно неукротимому Хитрому Койоту из мультфильмов «Дорожный бегун», неизменно вновь на ногах, и, как всегда, самодоволен и дерзок.

Основной персонаж-трикстер сказок других индейских племен, в частности, алгонкиноязычных народов, населяющих лесные районы центральной и восточной части США – Заяц. Великий Заяц, известный как Нанабозо (или Манабозо, или Нанабуш) – персонаж сложный и яркий. В одних сказаниях он – культурный герой, создатель земли и человечества, добытчик огня и света, основатель различных искусств и ремесел, наставник, обучивший людей тайным магическим ритуалам. В других сказках он – шут, вор, потаскун и коварный хищник, амбивалентное, лишенное нравственного начала существо, пляшущее на тонкой грани между добром и злом.

Трикстеров в облике зайцев и кроликов можно найти в сказках половины мира, от Азии и Африки до живых изгородей Великобритании. Например, в сказках индийской «Панчатантры» Заяц превосходит умом и хитростью слона и льва,

¹³ *American Indian Trickster Tales*, by Alfonso Ortiz and Richard Erdoes (Viking, 1998).

а в тибетских сказках он должен обвести вокруг пальца коварного разбойника-тигра. В Нигерии, Бенине и Сенегале также существуют сказания о хитром, лукавом Зайце – в равной мере плуте, сладострастнике, фигляре и культурном герое. На кораблях работорговцев африканские «заячьи» сказки добрались до Северной Америки, где, смешавшись с индейскими сказками (такими, как сказки индейцев-чероки о Кролике), эволюционировали в знаменитые негритянские истории о Братце Кролике и в сказки франкоговорящих креолов Луизианы о «Компэр Лапене». На Британских островах Заяц – хитроумный трикстер, тесно связанный с эльфами, феями, ведьмами и богиней весны. К тому же, он – оборотень и вестник, гонец, странствующий между царством богов, царством мертвых и царством фей под холмом.

Паучок Ананси – трикстер, чьи похождения известны во многих частях Африки и Вест-Индии и далеко за их пределами. Обычно сказки о нем смешны, а сам Ананси выступает в роли антигероя – нарушает законы и табу, насмехается над святым, строит козни, плетет интриги, обманывает и жульничает, чтобы добиться своего. Ананси славится ленью, жадностью, спесью, тщеславием и невежеством, но в то же время очень и очень смышлен и, как правило, обводит вокруг пальца всех вокруг. Еще одного трикстера-паука можно встретить в сказках сиуанских племен лакота и дакота, живущих на американском Среднем Западе. Иктоми – создание маленькое, но могущественное, злокозненное, проказ-

ливое, и, подобно всем трикстерам индейских сказок, одновременно комическое и сакральное. Это он, Иктоми, создал время, пространство и язык, и дал всем зверям имена, но он же – вор, обжора, распутник и «прадед всякой лжи». Подобно Койоту, Иктоми – оборотень, способный превращаться в красавца-юношу; он обладает «любовным колдовством» великой силы, что привело к падению множество юных девиц. В этом отношении Иктоми напоминает Кокопелли, еще одного персонажа-трикстера, встречающегося на американском Юго-западе. Кокопелли – горбатый флейтист, бродящий по каньонам с волшебным мешком на спине, известный шутник и соблазнитель женщин.

Основной персонаж-трикстер из сказок многих племен Северного побережья Тихого океана – Ворон, существо, согласно некоторым древним легендам, родившееся из первозданной тьмы. Ворона чтят как создателя мира, боятся как сеятеля хаоса и раздоров, смеются над ним, как над шутом и глупцом, а порой сказки о нем причудливы, фантасмагоричны, насквозь пронизаны волшебством. Кроме этого, в сказках многих племенных групп Северной Америки можно встретить таких персонажей-трикстеров, как Лис, Норка, Голубая Сойка, Ворона, и многих других, не считая тех трикстеров, что являются, скорее, не животными, а сверхъестественными существами – например, Старика Напи черноногих, Человека-Скелета хопи, Вихо северных чейеннов и Виски Джека (Визакедьяка) племени кри.

Среди других зверей-трикстеров всего мира очень известен китайский царь обезьян Сунь Укун. Этот волшебник, оборотень, неисправимый озорник и закоренелый сеятель хаоса сумел вывести из себя самого Будду, который и заточил его за очередную проказу под горой Пяти Стихий. Владыка Хануман, обезьяноподобное индийское божество, благодаря звериному облику и проказливому нраву тоже порой считается трикстером, однако аморальности, обычно присущей архетипу трикстера, не проявляет: он – персонаж храбрый и благородный, герой и преданный друг бога Рамы.

В японских, корейских и китайских сказках роль трикстера нередко отводится лисам. Лисы-трикстеры искусно меняют облик, а столкновения с ними, как правило, опасны. Они могут принадлежать и к мужскому и к женскому полу, быть и молодыми и старыми, и прекрасными и устрашающими на вид. Лисы-трикстеры китайских легенд обретают магическую силу одним из двух способов: долгими годами прилежной учебы (после чего получают в награду способность превращаться в человека), либо притворившись мужчиной или женщиной, соблазнив человека противоположного пола и вытянув из него жизненные силы. Принимая человеческий облик, лисицы-кицунэ выходят замуж за ничего не подозревающего смертного и прибегают к затейливым трюкам, иллюзиям и лжи, дабы скрыть истину. Обычно подобные сказки кончаются трагедией, смертью мужа или жены, но иногда переход из волшебного мира в мир людей про-

ходит успешно, и в этих случаях семья процветает, а дети в ней рождаются необычайно сильными, нередко – обладающими сверхчеловеческими способностями. В качестве довольно злого, своенравного трикстера встречается лис и в европейской фольклорной традиции, где он известен под именами Ренара, Рейнеке или мистера Лиса. Появляясь в облике юноши с рыжими, точно лисья шкура, волосами, этот милостивый, сладкоречивый прохвост обманом склоняет девушек к браку, чтобы затем убить их и съесть. В средневековом европейском «Романе о Лисе» лис-трикстер – сатирический персонаж, жадный пронырливый плут, дурачащий и крестьян, и дворян без разбору.

Подобен Лису и Кот в Сапогах – один из самых любимых персонажей волшебных сказок, создание тщеславное и глупое, но достаточно хитрое, чтобы добыть хозяину замок и принцессу в жены. Если же мы обратим взор на духов, эльфов и фей, какими они изображаются в европейском фольклоре, то отыщем немало черт архетипа трикстера и в их макиаже. Обличий у них немало, однако многих из них можно описать как созданий озорных, хитроумных, коварных, изобретательных, аморальных и непредсказуемых, любителей шуток, иллюзий, обмана, всегда готовых обвести смертного вокруг пальца. Именно к этому типу относится Пак – обаятельный, в высшей степени вероломный, лучше всего известный своими проказами в шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь». Пак, он же – Робин Добрый Малый, в род-

стве с пуками из валлийских легенд, а также со сверхъестественными существами, называемыми в Норвегии «пухье», в Швеции – «пуче», а в Литве – «пукис», импульсивными, непостоянными созданиями, чьи шутки могут быть и очаровательными, и очень жестокими.

Кроме этого, сказки всего мира изобилуют трикстерами-людьми – «мудрыми глупцами» и «хитроумными простаками», пробивающими себе путь в жизни при помощи сочетания смекалки с наивностью и везением. Именно о таком герое повествуют сказки о Джеке, бытующие в Великобритании и в Аппалачах, и европейские сказки о Тиле Уленшпигеле, рассказываемые в Германии, в Нидерландах и среди пенсильванских голландцев. Чаще всего герой таких сказок – крестьянин, лукавством одерживающий верх над представителями и представительницами высших классов. Высокое принижается, низкое возвышается, общественные нормы переворачиваются вверх дном. Маленький человек побеждает – не потому, что добродетелен, но оттого, что смекалист и хитер.

Имеются трикстеры и в религиозных народных сказках, повествующих о любящих загадки христианских святых, смысленных хасидских кроliках и хитроумных мусульманских муллах. Тибетские сказки о «Безумной Мудрости» представляют собою комические поучительные истории о дзен-буддистских ламах, полагающих, что смех, дурачество и своеволие помогают достичь мудрости. «В Тибете живет

уникальная гностическая традиция, произошедшая от просвещенных мастеров йоги и “Божьих безумцев” древней Индии, — объясняет лама Сурья Дас. — Вдохновенные носители “Безумной Мудрости” были святыми глупцами, отринувшими умозрительную метафизику и общепринятые религиозные обряды... Они исповедовали безусловную свободу, прозрение через боговдохновенную глупость... предпочитали славить изначальную свободу и святость естественного бытия, не цепляясь за внешнюю религиозную обрядность и общественную мораль. Озорные чудачества этих неугомонных духовных трикстеров были призваны освободить окружающих от заблуждений, социальных тормозов, ханжества, самодовольства — короче говоря, от всевозможных оков, выкованных человеческим разумом»¹⁴.

Во многих духовных традициях американских индейцев шутам и прочим своевольным персонажам отводится особая роль — причем в самых священных ритуалах. Задача шутов — вести себя разнузданно, скандально, возмутительно; при этом считается, что некоторые церемонии просто не могут начаться, как подобает, пока кто-нибудь не засмеется. От архетипа трикстера ведут род все шуты — и духовные, и мирские, и комедианты, и паяцы, и средневековые придворные дурачки, и маски комедии дель арте, и строптивые Панч и

¹⁴ “Crazy Wisdom and Tibetan Teaching Tales Told by Lamas” by Lama Surya Das, <http://web.archive.org/web/20011025185750/http://www.netcontrol.net/themata-new/255002/>

Джуди бродячих кукольников. Несуразное поведение всех этих персонажей помогает им преодолеть социальные границы и осмеять, вышутить статус-кво, нередко высказывая под видом дурачества и шутки очень и очень серьезные мысли.

В честь трикстера существуют праздники, позволяющие его мятежному грешному духу развернуться во всю ширь, хотя бы всего на несколько дней в год. Таков уходящий корнями к римским сатурналиям средневековый христианский Праздник дураков, буйное веселье, в течение коего переворачивались с ног на голову все обычные социальные нормы. Мужчины переодевались женщинами, крестьяне – священниками, в церкви плясали и играли в кости, а после шли гурьбой по улицам, горланя непристойные песни – словом, на один день в году позволяли себе выпустить пар, дабы затем целый год вести добропорядочную жизнь. Той же цели в католических странах служили карнавалы перед нелегкими тощими днями Великого поста. Карнавал тоже ведет происхождение от языческих ритуальных празднеств в день зимнего солнцестояния, в которых смех и веселье не только помогали ослабить общественную напряженность, но и имели священный смысл. Вот как описывает журналист Алан Вайсман карнавал в небольшой испанской деревне в 1993 году:

«В это время, на несколько часов каждый год, власть переходит в руки народа. Могущество, сосредоточенное в масках, надетых сынами бушующей деревни, раззадоривает толпу сильнее и сильнее. Прячьтесь, поп и политик, иначе не

миновать вам трепки, ругани и насмешек: мир перевернут вверх дном и будет сотрясаться, пока установленный порядок не затрещит по всем швам. Все можно, все позволено. Люди превращаются в зверей, мужчины становятся женщинами, пеон-поденщик ходит королем. Общественное положение не стоит ни гроша, приличия отброшены, богохульства не порицаются. В соседних деревнях серьезные, солидные люди обливают друг друга водой, в Лаза – швыряются вываленными в грязи тряпками. Вот в грязь низвергнуты все до одного. Теперь в дело идут мешки с золой, мукой и кишущим рыжими и черными муравьями навозом – эти ценятся превыше всего. Буйство усиливается, воздух наполняется едкой, пахучей пылью, все сплошь перемазаны чистой, беспримесной квинтэссенцией самой земли. Мужчины и женщины швыряют друг друга наземь, катаются посреди улицы. При некотором везении все это потрясет само небо, встряхнет, пробудит ото сна новое время года. День вновь начнет набирать силу, возвращать себе часы, украденные ночью, все зазеленеет, зацветет, очнувшись от спячки, весна отодвинет в сторону зиму, и что было мертвым, будет жить вновь»¹⁵.

Трикстер жив и здравствует и сегодня, в двадцать первом столетии. Бесконечно адаптивный, он появляется перед нами в образе эстрадного комика, шок-жокея на радио, шу-

¹⁵ “The Sacred and Profane of Spanish Carnival” by Alan Weisman, published in the *Los Angeles Times Magazine*, April 11, 1993. The article can be found online at: <http://www.endicott-studio.com/rdrm/rrcarnaval.html>.

та-хопи, вгоняющего в краску туристов, мутипликационно-го кролика с морковкой в зубах, крадущегося сквозь кусты койота... Современные сказочники придают традиционным мифам о трикстере новые повороты. Используя старые сказки вместо трамплина, они создают новые истории о трикстерах наших времен. Трикстера можно застать за привычным делом в таких талантливых произведениях, как «Покинутые небеса» Чарльза де Линта, «Сыновья Ананси» Нила Геймана, *Tripmaster Monkey*¹⁶ Максина Хонг Кингстон, *The Tricksters* Маргарет Махи, *The Remarkable Journey of Prince Jen* Ллойда Александера, *Coyote Blue* Кристофера Мура, *Bone Game* Луи Оуэнса, *Hannah's Garden* Мидори Снайдер, *Quiver* Стефани Спиннер, *A Rumor of Gems* Эллен Стейбер, *Chancers* Джеральда Визенора, и во многих других. (Более пространственный список современной литературы о трикстерах можно найти в конце книги, в разделе «Еще на ту же тему».)

Женщины-трикстеры долгое время держались в тени, затмеваемые трикстерами мужского пола, но ныне и их число в фантастике и прочих видах сказок – от телевизионных комедий до музыкальных клипов и детских книжек с картинками – растет день ото дня. По-моему, это значит, что в сути архетипа трикстера нет ничего исключительно мужского: обманщик и глупец, созидатель и разрушитель может отно-

¹⁶ Здесь и далее в биобиблиографических справках для удобства русского читателя произведения, переведенные на русский язык, приводятся в версии официально опубликованного перевода, все прочие – на языке оригинала. – *Примеч. ред.*

ситься к любому полу. Просто в обществе, где женщины и девушки пользуются достаточной независимостью и личной свободой, трикстер имеет к их жизни куда большее отношение. В конце концов, трикстер – не что иное, как мифическое воплощение полной Свободы Духа, и вовсе не желает быть связанным нормами, традициями и ожиданиями общества. А заодно демонстрирует, каким созидательным и разрушительным потенциалом обладает эта свобода. Все мы – и мужчины, и женщины – можем извлечь из этого полезный урок, ведь каждый из нас – хоть чуточку трикстер.

«У каждой группы есть свои границы, – отмечает Льюис Хайд, – понимание, что внутри, а что вовне, и трикстер всегда здесь, у городских ворот или у врат жизни, следит, чтоб взаимообмен не прекращался. Не оставляет он без внимания и внутренние границы, определяющие социальную жизнь в группе. Мы постоянно разграничиваем, проводим черту – между добром и злом, святым и низменным, чистотой и грязью, мужчиной и женщиной, старыми и молодыми, живыми и мертвыми, и в каждом из этих случаев трикстер непременно переступит черту и спутает разграничение. Таким образом, трикстер – изобретательный идиот, мудрый глупец, седовласый младенец, мужчина в женском платье, изрекатель священных кощунств... Трикстер – мифическое воплощение неясности и амбивалентности, двоедушия и двуличия, противоречия и парадокса»¹⁷.

¹⁷ From *Trickster Makes This World: Mischievous, Myth, and Art*.

Мужчина он или женщина, зверь или человек, вор или герой, злодей или шут, роль трикстера – в том, чтобы сбежать из любого ящика, в какой его ни помести. Как только нам думается, будто мы поняли, кто он таков, трикстер превращается в нечто иное, издевательски ухмыляется и бросает нам конец веревки, ведущей неизвестно куда, готовясь к новой проделке. Авторы, чьи произведения собраны в этой книге, исследовали некоторые из множества форм, которые может принимать архетип трикстера (и даже придумали несколько новых), и перед каждым из них я снимаю шляпу: их рассказы просто чудесны. Но, если хотите познакомиться с трикстером как следует, не останавливайтесь на нашей антологии, почитайте великолепные мифы о трикстере, дошедшие до нас сквозь столетия. А если выпадет шанс, прогуляйтесь как-нибудь ночью по аризонской пустыне, когда в небо поднимется полная луна. Вы непременно услышите хохот койотов... и трикстер окажется прямо у вас за спиной.

Садитесь же, налейте себе кофе, да слушайте внимательно. Вот вам еще одна сказка о Койоте. Гулял он как-то по берегу вон того озера – да-да, этого самого, возле дома моего дядюшки. Устал Койот, проголодался, да и мешок его тяжел. Вдруг видит – гуси! Остановился Койот, а тяжелый мешок на землю опустил.

– Койот, а Койот, – говорят гуси, – что у тебя в этом большом старом тяжелом мешке?

– Песни, – отвечает Койот.

– Койот, – удивляются гуси, – где же ты раздобыл столько песен?

Выпятил Койот грудь, напыжился, ухмыльнулся гусям во всю зубастую пасть и говорит:

– Я прозорлив, – говорит, – и мне открыто многое, а еще являются мне яркие видения. Вот потому и песен у меня целый мешок.

– Окей, ну так давай же устроим большой танец!

Замотал Старик Койот башкой.

– Нет, – говорит, – все это очень сильные песни. С ними, знаете, шутки плохи. Если уж хотите танцевать, придется вам танцевать в точности как я вею.

– Ладно, окей, – согласились гуси.

Принялись они вытаптывать траву вон там, на озерном берегу. Много места для танцев приготовили. Вытащил Койот свои колотушки для танцев.

– Теперь, – говорит, – все закройте глаза. В этих песнях – колдовство большой силы. Если откроешь глаза, очень худо будет.

Закрыли гуси глаза и пустились в пляс.

– Глаз не открывайте, – приговаривает Койот, да вдруг как ударит одного из гусей колотушками!

– Стойте, – кричит, – погодите! Видали? Вот этот вот гусь открыл глаза, и теперь он мертв! Вы уж лучшие глаз не открывайте!

Снова гуси пустились в пляс.

*Койот схватил другого гуся, да как начнет душиить! За-
крякал гусь, загоготал, а Койот говорит:*

– Верно, друзья мои, правильно, пойте как можно громче!

*Но один из гусей, самый старший, осмелился самую чуточ-
ку приоткрыть глаз и увидел, что происходит.*

– Бегите, братцы! – кричит. – Спасайтесь!

*Взлетели гуси, кинулись наутек. Однако Старик Койот
набил живот до отвала.*

– Эх, – говорит, – ну и здорово же я придумал!

И дальше своей дорогой двинулся.

Терри Виндлинг

Непарные башмаки

Пэт Мэрфи

18

Наверное, такие башмаки у обочин дорог попадались и вам. Просто башмак – лежит себе в придорожной пыли. Непарный. Всего один.

Иногда – детский. И как он там оказался, догадаться нетрудно – балуются ребятишки во время долгой поездки в машине, брат дразнит сестренку, покачивая стянутым у нее башмачком за окном:

– Эй, а я вот сейчас ка-ак отпущу! Вот сейчас ка-ак... оп-па. Я не хотел!

А вот что скажете насчет лаковой женской туфельки на высоком каблуке, пыльного броги с узором из дырочек, крепкого туристского ботинка? Как их-то на обочину занесло?

Вот о некоторых из них я вам и расскажу. А еще расскажу об одном молодом человеке, которому следовало бы быть поумнее, да, видно, судьба распорядилась иначе. Звали его Марком.

Ну, а я – Дезба, но все вокруг называют меня Дез. Я из народа навахо. Мать моя принадлежала к Клану Многих Коз, а отец – к Людям Койотова Источника. Я – дочь сказительницы, и моя мать – дочь сказительницы.

Родилась я в резервации, и пока росла, телевизора у нас в доме не было. Вместо того, чтоб по утрам в субботу смотреть мультики, я помогала матери ухаживать за овцами, доить коз, вынимать яйца из-под несущек. А бабушке помогала собирать травы для крашения шерсти, из которой после ткали половики для продажи в местной лавке. А по вечерам слушала рассказы мамы и бабушки. Рассказы об их жизни, о жизни соседей, о жизни племени, о сотворении мира, о Святых Людях вроде Койота и Меняющейся Женщины.

Окончив среднюю школу, я оставила резервацию и отправилась во Флагстафф, в университет. А летом, между семестрами в колледже, работала поваром в летнем археологическом лагере, затеянном компанией профессоров. Лагерь они разбили прямо возле западной границы резервации и привезли с собой около полусотни ребят – старшеклассников из средних школ и студентов колледжа. Два месяца профессора читали им лекции по археологии и этнографии, а ученики помогали археологам в раскопках древнего пуэбло, где индейские племена вели торговлю друг с другом лет этак тысячу назад.

Я устроила в лагере кухню. Устроила и столовую – расставила столы для пикника, а над ними натянула брезент, для

тени. Ездил за продуктами и почтой, заботилась о том, чтобы все были сыты. Дело нетрудное, так что между завтраками, обедами и ужинами я могла уйму времени слоняться по лагерю, смотреть и слушать. Таким образом много чего можно узнать.

Так вот, теперь позвольте перейти к Марку. С виду парень был красив и прекрасно об этом знал. Первый курс колледжа. Высок, мускулист. Легко, без стеснения улыбался. Особенно когда рядом имелись симпатичные девушки.

Отчего-то не сомневаюсь: мать Марка постоянно твердила ему, что он – просто чудо. А он ей верил. Ну что ж, дело хорошее – матери верить нужно. По крайней мере, до определенной степени. В какой-то момент ты должен отодвинуть все, что говорит мать, в сторонку и начать думать своей головой. Мать говорит: тебе ни за что не обрататъ того нового жеребчика, что уже сбросил обоих братьев, а ты все равно попробуй. Мать говорит, будто ты на дурное дело неспособен, а ты... ну, скажем так, тебе-то лучше знать.

Но Марк, я так думаю, словам матери о том, что он – само совершенство, верил безоговорочно. Может, это и не обязательно плохо: профессор, читавший нам курс введения в психологию, рассказывал, к чему приводит заниженная самооценка. Да, людям с заниженной самооценкой чуточку больше уверенности в себе не помешает. Однако у Марка никаких проблем с самооценкой не было. Сказать по правде, самомнения ему было не занимать.

Первую пару летних недель Марк увивался вокруг Наски, ученицы выпускного класса из Шипрока. Наска тоже росла в резервации, но встречаться нам, пока она не приехала на эти раскопки, не доводилось. Ее семья была из Шипрока, а моя – из Флагстаффа, откуда до Шипрока около сотни миль. Однако она видела мое выступление в родео на Национальной Ярмарке Навахо в Уиндоу-Рок, а я видела ее на той же ярмарке танцевавшей на пау-вау¹⁹. К учебе она относилась серьезно, в шипрокский Колледж Дине планировала поступать.

Каждый вечер ребята усаживались к столам для пикников и слушали речи кого-нибудь из профессоров. И каждый вечер Марк подсаживался к Наске, шептал ей что-то на ухо, держал за руку – словом, ухлестывал за ней вовсю. Поздней ночью, засыпая в палатке возле кухни, я слышала их разговоры и смех.

Что ж, это было бы очень мило – юношеская любовь и все такое – если бы не одна загвоздка. Чуть ли не каждый день Марк получал с почтой письмо от девушки, ждавшей его дома. От Джинни Александр – так значилось в обратном адресе. Писала Джинни пурпурными чернилами, а возле имени Марка на конверте всякий раз пририсовывала большое алое

¹⁹ Пау-вау (*англ.* row-wow, rowwow, row wow или rau wau) – специфическое собрание коренных американцев (необязательно исключительно индейцев), посвященное их культуре: обычаям, песням, танцам, устному народному творчеству и др. На пау-вау традиционно происходит танцевальное соревнование, зачастую с денежными призами. – *Примеч. ред.*

сердце.

И все это тоже было бы прекрасно – какое мне дело до Марковых проблем, – если бы только Наска была малость поопытнее в жизни. Но Наска была просто милой, доброй девчонкой, всю жизнь прожившей дома. Когда я рассказала ей о письмах от Джинни Александр, она ответила, что Марк с Джинни, по собственным словам, порвал, однако эта девчонка писать ему никак не прекратит. Даже не сомневалась, что Марк – ее «половинка», и быть им вместе во веки веков.

Словом, была у Марка девушка дома и девушка в лагере, и вот, на третью неделю лета, появилась Таня. Первокурсница колледжа из Лос-Анджелеса, высокая, стройная, с короткими светлыми кудряшками. Приехала она ближе к вечеру. Подкатила в обшарпанном старом «вольво» и отправилась искать кого-то из профессоров.

Марк, так уж вышло, сидел в это время в столовой. При виде Тани он заулыбался, глаза загорелись, взгляд сделался – точно у голодного пса, которому показали бифштекс. Вскочил он и предложил проводить ее на раскопки.

С этого-то все и началось: самовлюбленный юнец, две девушки и археологические раскопки. Вы, может, уже гадаете, когда же я расскажу про туфли да башмаки? Не волнуйтесь, со временем и до них непременно дойдет. Но еще не сейчас.

Как я уже говорила, профессора каждый вечер рассказывали ребятам об археологии и этнографии, о сказках и обычаях индейцев. Кое-что верно говорили, кое-что путали, но

в основном все было okay.

Вечером после приезда Тани один из профессоров вспомнил о Койоте. О том самом Койоте с заглавной «К», о божетрикстере, сующем нос в дела всех и каждого. Это Койот принес Первым Людям огонь – но он же, Койот, привел в мир смерть. Озорничает Койот с самого начала времен. Когда я в последней четверти слушала курс физики, преподаватель рассказывал об энтропии – склонности всего на свете к полному беспорядку. Так вот, сила, что порождает энтропию, это Койот и есть. Но кроме этого Койот – сила, порождающая и добро (хотя для кого – вопрос открытый).

Сегодняшний профессор о Койоте кое-что знал. Рассказал ребятам о, как он выразился, «народном поверье навахо»: если койот перебегает тебе дорогу, лучше поверни назад. Да, так оно и есть, только я бы это «народным поверьем» не назвала. Я бы сказала, это – простой здравый смысл.

Затем профессор завел речь о роли Койота в мире навахо. Койот испытывает на прочность границы и нарушает законы. Койот живет на два мира, то охотясь в глухих лесах, то пробираясь в деревню стянуть чего-нибудь съестного. Когда боги собираются в хогане²⁰, добрые рассаживаются с южной стороны, злые – с северной, а Койот сидит посередине, возле входа, готовый присоединиться к любой из сторон – смотря как ему будет удобнее.

Дальше профессор рассказал старую сказку о том, как

²⁰ Хоган – традиционная индейская баня.

Койот научил оленей убегать от людей, чтобы люди не убили и не съели их всех без остатка. Рассказчиком он оказался неважным – у матери выходит куда как лучше. Однако, как выяснилось после, профессор вспомнил эту сказку только затем, чтобы поговорить о важности Койота для сохранения равновесия в мире.

Пока профессор говорил, я наблюдала за ребятами. Марк сидел рядом с Таней, а Наска осталась одна. К началу лекции она опоздала, а Марк не занял ей место, как делал всегда. Судя по выражению лица, думал он вовсе не о Койоте. Думал он явно о том, как бы залезть Тане в трусы.

* * *

Назавтра была суббота, на раскопках – выходной. Наска собралась в Шипрок, повидаться с родными. Дядя обещал приехать за ней с раннего утра. Я поднялась пораньше и приготовила ей завтрак.

Сели мы за стол для пикника и принялись за кофе с поджаренным хлебом. Наска была печальна и обескуражена. Сказала, что накануне Марк гулял с Таней до поздней ночи. Я больше помалкивала – ну, а что тут можно сказать? Вскоре к лагерю подкатил пикап ее дяди, и Наска уехала до понедельника.

Чуть позже позавтракать явился Марк с Таней. Ухмылялся до ушей – радостно, ненасытно. Когда подошел за второй

порцией яичницы, я позаботилась соскрести в его тарелку все пригоревшее со дна сковороды.

К ним с Таней за стол подсели несколько ребят, а среди них – и Синди, еще одна старшеклассница из Шипрока. Один из студентов университета по имени Джек заговорил о празднике, назначенном на вечер.

– Каждую субботу ребята со всех окрестных раскопок собираются у Койотовых Ключей, – сказал он. – Мне один парень из лагеря Черного Холма неделю назад рассказывал. Это геотермальные источники. Можно поваляться в горячей воде и узнать, что новенького у ребят из других лагерей.

– А далеко ли до этих источников? – спросила Таня.

– Около сорока миль, – ответил Джек. – Правда, все по грунтовке. Он мне карту нарисовал.

– Я могу поехать на джипе, – предложил Марк, взглянув на Таню. – И тебя подвезти.

У него имелся красный джип. Наска говорила: подарок родителей в честь окончания школы.

– Это было бы здорово, – согласилась Таня, не сводя взгляда с Джека. – Вот только почему эти ключи – Койотовы?

– Может, потому, что это прекрасное место для поиска приключений, – ухмыльнулся Марк. – Хорошее место для тех, кто знает толк в нарушении правил, как сам Койот!

Ясное дело, к таким он причислял и себя.

Что было дальше, того я своими глазами не видела, но это

не страшно. Бабушка тоже не видела своими глазами, как Койот принес людям огонь, но рассказывает об этом замечательно. Вот поэтому я расскажу вам, как сама себе все представляю, и этого будет вполне довольно.

Таня поехала с Марком. Синди и еще двое погрузились в старый фольксвагеновский фургончик Джека.

Я вот думаю: наверное, перед джипом Марка койот грунтовку перебежал. Наверняка, конечно, не знаю, но если так и случилось, Марк даже не подумал повернуть назад. Он всю дорогу флиртовал с Таней – об этом я вам и рассказывать подробно не стану. Обычные сопли в сахаре: слушал Марк Таню, будто самого интересного человека на свете, да все твердил, какая она замечательная, как симпатична да как умна.

Когда солнце склонилось к закату, они добрались до каменной россыпи у подножья невысокого холма. Рядом стояло множество запыленных джипов и пикапов. Заглушив двигатель, Марк слышал резкое жестяное треньканье банджо. Вот музыка кончилась, и диктор объявил:

– Говорит Флагстафф! Вы слушаете «КАФФ», лучшее кантри на сегодняшний день!

Пройдя следом за Джеком и остальными по змеившейся среди валунов тропе, Марк увидел озерцо – небольшое, футов двенадцати в ширину. Над водой клубился пар, в воздухе пахло серой. Стоявший у берега бум-бокс играл кантри – какая-то девушка пела о своей обманутой любви, а в горячей воде и на камнях вокруг озерца разлеглись полдю-

жины ребят в купальниках и плавках.

– О, Джек! – воскликнул один из парней в воде. – Рад тебя видеть, чувак! Добро пожаловать на археологический курорт «Койотовы Ключи»!

– И как водичка? – спросила Таня.

– Тепленькая, в самый раз, – ответил тот же парень. – Если хочешь погорячее, поднимись выше. Там всюду этакие небольшие озерца. Чем выше поднимаешься, тем ближе к источнику и тем горячее вода. Но, по-моему, это озерцо – то, что надо. Там, возле бум-бокса, пиво холодное. Угощайтесь.

Джек уже сбрасывал обувь. Таня стянула футболку, оставшись в купальнике. Глядя на это, Марк улыбнулся и решил взять себе пива, а после присоединиться к ней. Отыскал он кулер, открыл пиво, и тут заметил хорошенькую девушку, стоявшую в сторонке, сама по себе.

Девушка была высока – почти с него ростом. Длинные черные волосы заплетены в косу. Одета в футболку, короткие джинсовые шорты и мокасины навахо – из тех, что обертываются вокруг лодыжки и застегиваются сбоку. Ее мокасины были сшиты из коричневато-рыжей оленьей замши и застегнуты на серебряные пуговицы, ноги – длинные, а в улыбке чувствовалось что-то недоброе. Марку это понравилось. Увидев, что он направляется к ней, девушка улыбнулась шире прежнего, и это понравилось ему еще больше.

– О, не стоит тебе со мной болтать, – сказала она. – Я – не в твоём вкусе.

– Что ты можешь знать о моем вкусе? – возразил Марк, улыбнувшись в ответ.

Трудности его не пугали. Охотничий азарт придавал победе особый вкус. «Интересно, – подумал он, – из какого она лагеря?»

А улыбка девушки сделалась еще шире.

– Ты и представить не можешь, сколько я всего знаю, – сказала она. – О тебе – столько, что даже чересчур.

– Так это же замечательно! – воскликнул Марк, нахально обнимая девушку за плечи. – Кучу времени сэкономим!

– Эй, Марк! – раздался за его спиной девичий голос. Это была Синди.

Стоило Марку обернуться на оклик, высокая девушка ловко выскользнула из-под его руки.

– Эй, Марк! – повторила Синди. – Можно тебя на минутку?

– Э-э... Ну да, можно, наверное.

Он взглянул вслед высокой девушке. Та уже шла наверх по тропе, ведущей к другим источникам.

Синди сказала, что хочет поговорить о Наске. Что знает, насколько они с Наской близки. Что понимает: ему не все равно, как Наска расстроена его вниманием к Тане. Обо всем этом Синди рассказывала подробно. Во всех деталях. Совершенно искренне желая всем добра.

– Вот я и подумала, что лучше тебе все рассказать, – закончила Синди.

Марк кивнул. Что он тут мог ответить?

Синди потрепала его по плечу.

– Уверена, это просто какое-то недоразумение, – сказала она.

– Ну да. Конечно, – выдавил Марк.

– Идем купаться, – предложила Синди.

Но Марк покачал головой.

– Я, пожалуй, погляжу на другие источники, – сказал он и направился к вершине холма, следом за высокой девушкой.

Тропа петляла среди глыб песчаника, превращенных пустыней в причудливые, жутковатые скульптуры. Искривленные, перекрученные каменные столбы тянулись вверх, к темнеющему небу. Дыры, выточенные в камне ветром, казались глазами, провожавшими Марка пристальным взглядом.

Сзади доносилась музыка – еще одна девушка пела о своей обманутой любви. Над западным горизонтом нежно розовели в вечернем зареве седые облака.

За поворотом тропы отыскалась небольшая – чуть больше ванны – впадинка. Марк замедлил шаг. Может, раздеться да поваляться в исходящей паром воде? Но образ высокой девушки в шортах влек за собой, и Марк двинулся дальше – наверх, в сгущавшиеся сумерки, провожаемый пустыми взглядами каменных столбов.

Откуда ни возьмись, налетел, взвихрил пыль под ногами легкий вечерний бриз. Тропинка свернула, огибая большой валун, слегка напоминавший морду воющего пса, поднятую

к небу.

Сразу за поворотом, за этим странным валуном, лежала на земле кучка одежды. А прямо за ней поблескивало в клу-бах пара крохотное озерцо. А в озерце том лежала, прикрыв глаза, та самая девушка. Лежала, нежась в горячей воде.

Сделал Марк еще шаг, встал между ней и ее одеждой и спрашивает:

– Как водичка?

Девушка открыла глаза и подняла на него взгляд.

– Вода замечательная, – сказала она.

– Должно быть, ты с Черного Холма, – заговорил он. – А я – с раскопок в Кратере Закатного Солнца.

Девушка сузила глаза.

– Я ведь уже раз сказала: не стоит тебе со мной болтать.

– Вот тут-то ты и ошиблась, – ответил Марк. – Ты – именно та, с кем мне очень хотелось бы поболтать. А потом и по-знакомиться поближе.

– Это вряд ли, – отрезала девушка, поднимаясь на ноги.

Купальника на ней не было.

Вот тут бы Марку призадуматься да поостеречься. Но... Это понятно мне, это понятно вам, но он этого не понимал. Он даже не шелохнулся. Так и остался стоять, преграждая ей путь к одежде. Девушка остановилась перед ним, уперев руку в бедро. И даже не подумала прикрыться ладонями. Он тарасился на нее во все глаза, и она смотрела на него, не отводя взгляда.

– Ты что, в самом деле ничего не соображаешь?

Но Марк не отступал. Он-то думал пофлиртовать с нею малость, а уж потом сдать назад, однако манеры этой девицы начинали раздражать. Держалась она совсем не так, как обычно держались с ним девушки. Слишком уж дерзко, будто она здесь главнее всех. Конечно, поглядеть на нее без одежды было просто здорово, вот только ее нагота будто бы бросала вызов. Будто бы говорила: «Вот она я, да не про твою честь».

– Не только все, что надо, соображаю, но и одежда твоя вся у меня, – ответил он.

– Ага. Раз так, не подашь ли мою футболку?

Нет, злым Марк не был. Просто был бестолков. Он понимал, что не отдать одежды нельзя, и решил обернуть дело во флирт, пусть грубоватого сорта.

– Ответишь на вопрос – отдам. Ты из лагеря у Черного Холма?

– Нет.

Так Марк принялся задавать вопросы и возвращать девушке одежду – по предмету за ответ. Узнал, что она не с раскопок в Леуппе и не с раскопок в Северном Уильямсе. Узнал, что парня у нее нет. После этого остался у Марка только один из ее башмаков, и тут он решился повысить ставку.

– Остался последний башмак, – сказал он. – Отдам за один поцелуй.

Полностью – за исключением одного башмака – одетая,

девушка встала у края воды и вновь уперла руку в бедро.

– За поцелуй? Как старомодно.

– Ну нет, не за какой-то там старомодный поцелуй, – осклабился Марк, набираясь храбрости. – За настоящий, современный!

Но девушка покачала головой:

– В другой раз.

Ни слова больше не говоря, она развернулась и пошла прочь. Шаг, другой – и вот ее уже не видно в наступившей темноте.

– Эй! – крикнул Марк ей вслед. – погоди секунду! У меня же твой башмак!

Но, кроме башмака, у него не осталось ничего. Девушка исчезла, а он так и стоял у впадинки, заполненной водой, с одиноким мокасином в руках.

Попробовал Марк ее отыскать – вначале с надеждой, но мало-помалу надежда сменилась разочарованием и недоумением. Что же теперь делать? Девушки след простыл, а башмак ее – у него... В конце концов решил он отправиться назад – вниз, а мокасин взять с собой. К большому озерцу она ведь наверняка вернется, там-то он ей мокасин и отдаст. И даже поцелуя взамен не попросит. Конечно, с виду она очень даже хороша, но вот манеры ее Марку совсем не нравились. Одним словом, вернуть ей башмак, да и делу конец!

Бросил он мокасин на заднее сиденье джипа и присоединился к ребятам в озерце. За это время к группе успели при-

соединиться студенты и школьники еще с полудюжины раскопок. Таня флиртовала с парнем из лагеря Черного Холма, и добиваться ее внимания было бесполезно. Поспрошал Марк ребят о встреченной девушке, но ее, похоже, никто не знал. И сама она за башмаком так и не явилась. Девчонки из других лагерей Марка отшили, и в лагерь он поехал один. Вечер не удался. Что делать с мокасином без пары, он не знал и потому просто кинул его на приборную доску джипа.

На следующее утро полезла я в свой грузовичок за кой-какими консервами и увидела на приборной доске Маркова джипа этот мокасин. Сшит он был в стиле навахо, и притом превосходно. Вручную, из прекрасной, тонкой оленьей замши. В таких мокасинах любая девушка с гордостью вышла бы на пау-вау.

К завтраку Марк явился поздно.

– Откуда у тебя взялся этот мокасин в джипе? – спросила я, накладывая ему яичницы.

В ответ он промямлил что-то о девушке, с которой познакомился на Койотовых Ключах.

– Этот башмак обязательно нужно вернуть, – сказала я.

– К чему это ты?

– Примета дурная. К беде. Так что уж лучше верни.

– Примета? Какие-то индейские премудрости?

Я бы сказала иначе: скорее, простой здравый смысл. Но ответила просто:

– Себе его лучше не оставлять.

Но Марк только головой покачал.

– Подумаешь, – сказал он и отошел к столу.

Что было дальше, я тоже сама не видела. Ну, а со слов Марка вышло примерно так.

Спал Марк в небольшой палатке на краю луга, от лагерьной «столовой» вдалеке. Ночь с воскресенья на понедельник выдалась теплой и ясной, и молнию полога он оставил незастегнутой. Приготовил штаны и футболку на завтра и аккуратно сложил рядом со спальным мешком. А возле одежды поставил ботинки.

На ботинках этих остановлюсь малость подробнее. Другие ребята приехали на раскопки в старых кроссовках или туристских башмаках. Другие – но только не Марк. Он щеголял в прекрасных «Ред Уингз» – стильных шестидюймовых шнурованных ботинках из песчано-желтой кожи, мягкой, точно попка младенца. Прекрасные ботинки. Пожалуй, родителям Марковым они не меньше пары сотен баксов обошлись.

Как бы там ни было, запихнул Марк в левый ботинок чистые носки, а в правый – фонарик, чтобы легче найти его, если вдруг понадобится среди ночи. Ботинки задвинул в дальний угол палатки, чтобы уберечь их от утренней росы, забрался в спальный мешок, поднял взгляд к звездам, услышал вой койота вдали и уснул.

Разбудил его треск рвущейся ткани. В полусне устоялся он в дальний угол палатки, откуда донесся звук. Луна поднялась высоко, и в ее свете в дальнем углу палатки виднелся темный силуэт какого-то зверя. Тот сунул голову в палатку, а при виде проснувшегося Марка тихонько подался назад, зажав в зубах его ботинок.

– Эй! – заорал Марк, метнувшись к своему ботинку.

Зверь зарычал и отпрянул прочь, унося ботинок с собой. К тому времени, как Марк сумел выбраться из спального мешка, зверь пересек половину луга. Койот со всех ног мчался прочь и даже не думал выпускать ботинок из пасти. Не успел Марк броситься в погоню, как зверь скрылся из виду.

Стоя посреди луга в одних трусах, Марк ошарашенно смотрел ему вслед. «Наверное, это сон, – подумал он. – Ведь койоты не крадут ботинок!» С этой мыслью он снова забрался в спальный мешок и уснул.

Но наутро обнаружил, что правый ботинок исчез.

Левый ботинок стоял на месте и без пары выглядел чуточку одиноко. На месте оказались и чистые носки, оставленные в ботинке, и даже фонарик лежал здесь же, рядом, на полу. А вот правого ботинка и след простыл.

Одевшись, он пошел в столовую – босиком, неся левый ботинок и носки в руках – и рассказал всем, что стряслось. Ребята, похоже, решили, что это ужасно смешно. Даже Наска, вернувшаяся из Шипрока накануне вечером, ничуть ему не сочувствовала. Только и сказала:

– Ну что ж, придется тебе ходить босиком.

Завтракала она в компании Тани и Синди. Все трое о чем-то оживленно беседовали.

Минуту Марк с жалким видом стоял, держа ботинок в руке. А ведь я предупреждала: к несчастью это, верни мокасин назад. Но теперь было поздно.

Работать на раскопках без обуви Марк не мог. Подумал он и решил съездить во Флагстафф, купить пару кроссовок.

– Удачи, – сказала я, когда он покидал столовую.

В ответ он бросил на меня насмешливый взгляд. Видно, думал: чтобы доехать до ближайшего торгового центра и купить пару обуви, особой удачи не требуется. Но вам-то уже известно: он многого не знал.

Что было дальше, я опять не видела. И даже от Марка не слышала. Правду сказать, я это полностью сочинила сама. Но в том, что так оно все и было, ничуть не сомневаюсь. Я знаю, как и что бывает, когда дело касается Койотовых Ключей.

Так вот, поехал Марк по длинной грунтовке, что вела к хайвею. Отъехал от лагеря пару миль и тут заметил башмак, лежащий в пыли у обочины. Свернул он к обочине и остановился, подумав, уж не его ли это ботинок – кто знает, куда койот мог его затащить, прежде чем бросил. Но эта обувка оказалась рваным ковбойским сапогом восьмого размера, а Марк-то носил десятый. И все же это был башмак, причем башмак правый. Это отчего-то обнадеживало: не один он тут ботинок потерял!

А произошло это у поворота к Койотовым Ключам. Взглянул Марк вдоль дороги к горячим источникам и увидел в отдалении еще один башмак. Возможно, пару к ковбойскому сапогу. Или его собственный пропавший ботинок. Свернул он с дороги и поехал посмотреть.

На этот раз башмак у обочины оказался черным броги. Остановился Марк, поднял его, осмотрел. Правый, десятого размера. Но – не его.

Поглядел Марк вперед, вдоль боковой дороги. Вдали, под кустиками полыни, темнело что-то еще, и Марк поехал дальше, в сторону Койотовых Ключей. Все они так делают. В сказках именно так всегда и бывает.

В полыни валялась бежевая гуарачи²¹. На ее размер Марк даже не взглянул. Просто поехал дальше – вперед, к Койотовым Ключам. И через каждую милю, или около того, ему на глаза попадался новый башмак. Туристский ботинок рядом с колючей чольей²², лаковая бальная туфля среди пятнышка иссохшей травы... Так ехал Марк и ехал по следу из непарных башмаков.

Площадка, где прошлым вечером стояли машины, сегодня оказалась пуста. Припарковавшись, Марк хотел было выбраться из джипа, но, как только босая пятка коснулась раскаленного песка, замешкался. Слишком уж горячо, что-

²¹ Мексиканская кожаная сандалия на плоской подошве.

²² Чолья – древовидный кактус, произрастающий в Мексике и на западе США. – *Примеч. ред.*

бы ходить босиком...

Минуту поколебавшись, он надел на левую ногу уцелевший ботинок, а правую сунул в мокасина навахо с приборной доски. Как ни странно, размер подошел.

Оставалось понять одно: что делать с башмаком, приносящим несчастье? Поразмыслил Марк и решил отнести его назад, к тому самому источнику, где нашел купавшуюся девушку. Может, вспомнил, как я советовала вернуть башмак, а может, и нет.

У Койотовых Ключей не было ни души. Казалось, скалы по ту сторону нижнего озера мерцают, дрожат в горячем мареве, поднимавшемся над водой.

Идти наверх, к той небольшой впадинке, было жарко. В двух разных башмаках Марк чувствовал себя глупо – впрочем, не более чем во время погони за койотом в одних трусах. Добравшись до нужного источника, он присел отдохнуть в тени валуна, похожего на морду воющего койота.

От горячей воды во впадинке валил пар, будто над ванной. «Глупо было сюда приходить», – подумал Марк. Но, раз уж он здесь, отчего бы не погреть усталые ноги, прежде чем ехать в город?

Снял он непарные башмаки, снял одежду, сложил все это в тени валуна и погрузился в горячую воду.

Впадинка оказалась как раз ему по росту, и формой была очень похожа на ванну – с покатым дном, на котором так удобно лежать. Улегся Марк на спину, расслабился, прикрыл

глаза. Ощущения – лучше некуда. «Ничего, – подумал он. – Вот съезжу в город, куплю новые башмаки...» Затем он начал размышлять о том, чего бы такого наплести Наске с Таней, когда вернется в лагерь... одним словом, жизнь поне-многу налаживалась.

Вдруг шум позади заставил его встрепенуться. Разом забыв обо всех мечтах, Марк открыл глаза. Мокасин навахо, оставленный возле одежды, исчез. Ботинок – тоже.

Марк сел, выпрямился и снова услышал тот звук, что потревожил его – резкое, хриплое твяканье.

Взглянув в сторону гребня холма, он увидел койотиху. Лежа на брюхе в тени, она внимательно, пристально глядела на него. Шкура ее была рыжевато-бурой, с темной полосой вдоль хребта, а между передними лапами лежал его ботинок.

– Эй, – обиженно сказал Марк, – это мое.

Койотиха склонила голову набок, свесила из пасти язык и насмешливо осклабилась.

Марк удивленно поднял брови.

– Нельзя! Не тронь мой ботинок!

Ухмылка койотихи сделалась шире прежнего. Облизнув губы длинным красным языком, она снова осклабилась и, как ни в чем не бывало, продолжала пристально смотреть на него. Сидеть голышом под этим взглядом было очень неудобно.

– Это уже совсем невежливо, – сказал он. – Отчего бы тебе не оставить меня в покое?

Койотиха подхватила зубами ботинок и поднялась.

– Нет-нет, постой, – запротестовал Марк. – Ботинок не забирай!

Койотиха села, поставив ботинок на землю между передних лап.

– Ну, ладно тебе, – сказал Марк. – Отдай ботинок.

Койотиха зевнула, вновь облизнула губы и ухмыльнулась, свесив длинный язык набок.

Под ее пристальным взглядом, голый и мокрый, Марк выбрался из воды. Натягивая трусы и футболку, он отвернулся, но все равно знал: койотиха не сводит с него глаз.

Одевшись, Марк повернулся к ней лицом. Койотиха поднялась на все четыре лапы. Ботинок стоял перед ней. «Может, удастся отогнать ее и схватить ботинок?» Но прежде, чем Марк успел хотя бы шевельнуться, койотиха метнулась к нему, в три прыжка преодолела разделявшее их расстояние и сильно толкнула передними лапами в грудь. Марк пошатнулся, споткнулся и с маху уселся на землю. Морда койотики оказалась в нескольких дюймах от его лица. Перед глазами блеснули ее клыки – длинные, острые, желтые клыки. В носшибанула вонь ее дыхания – более скверного запаха псины, густо отдающего падалью, себе и не вообразить!

И тут она его поцеловала. Вот этот самый длинный, мокрый, воняющий падалью язык прошелся по подбородку Марка и скользнул ему в рот, коснувшись его собственного языка.

Плюясь и задыхаясь от отвращения, Марк резко откинул голову назад. Койотиха прыгнула в сторону и поскакала вверх, к гребню холма. Длинный красный язык свешивался из ее пасти так, словно она смеется. Прыжок, еще прыжок – и зверь исчез, скрывшись среди валунов.

Марк прополоскал рот водой из источника – и раз, и другой, и третий. Какой только заразы не подхватишь от койота, поцеловавшего тебя взасос! С чего вообще зверю могло прийти в голову такое?

Может быть, в эту минуту ему вспомнилось, что он сказал той девушке. «Остался последний башмак, – сказал он. – Отдам за один поцелуй». Может быть, он сообразил, что койотиха поступила с ним так же, как собирался поступить он.

Может быть. Но вряд ли. Вспомнить-то мог, но вряд ли подумал о том, что ситуация – точь-в-точь та же самая. Но, о чем бы он там ни подумал, по крайней мере, ботинок остался при нем. Хотя бы один.

Надев его на ногу, Марк направился вниз. Нелегко же ему пришлось! На миг опуская босую ногу на землю, он поскорей делал шаг, а после удерживал равновесие на ноге в ботинке, чтобы босая пятка хоть немного охладилась. Спуск затянулся надолго, но в конце концов до джипа он доковылял.

В пыли возле джипа обнаружился его второй ботинок – слегка пожеванный, провонявший койотом, но в остальном вполне целый. Обувшись, Марк поехал в лагерь. Башмаков у обочины на обратном пути не видел. О том, что случилось,

старался не думать. Ботинок нашелся, а остальное неважно.

В тот же вечер, за ужином, подсел он к Наске и принялся заговаривать ей зубы.

– Очень не хотел бы, чтоб ты на меня сердилась, – начал он с самой искренней миной на лице.

Наска с сомнением взглянула на него.

– Я что угодно сделаю, чтобы...

Он собирался сказать, что сделает все, что угодно, только бы наладить прежние отношения, но в этот самый момент правый ботинок зверски защемил ему ногу. Как будто голодный койот впился клыками в пятку!

– Ай! – вскрикнул Марк, схватившись за ногу.

Как видите, Койотиха – зверь непростой.

– В чем дело? – спросила Наска.

Хватка разжалась.

– Да вот, ботинок, – ответил Марк, опасливо потирая ногу.

– Так что ты хотел сказать?

– Я хочу сделать так, чтобы...

Он собирался сказать, будто хочет сделать так, чтобы она была счастлива, но ботинок снова сдавил ногу, не позволяя вымолвить ни словечка.

Лето для Марка прошло – хуже некуда. Всякий раз, как он пробовал подольститься к девушке, ботинок больно впивался в ногу. Хочешь не хочешь, а приходилось умолкать.

И, знаете, не только этот ботинок. На следующих же вы-

ходных отправился Марк в город и купил пару кроссовок, но и с ними начало твориться в точности то же самое. Как только решит Марк соврать, правый кроссовок кусал его за пятку, будто голодный койот.

Так он к Тане в трусы и не залез. И с Наской у него ничего не вышло. Правду сказать, и у всех остальных девушек он тоже до самого конца лета никакого успеха не имел.

Что вышло из Марка дальше? Даже не знаю. Может быть, выучился говорить правду. Но это – вряд ли. Может быть, ограничил все ухаживания пляжами, где можно врать безнаказанно, пошевеливая пальцами ног в песке. Но ведь большинство девушек рано или поздно задумается: с чего этот тип никогда не надевает башмаков?

Как говорил тот этнограф, дело Койота – наводить в мире порядок. Может, способы, которыми он меняет мир к лучшему, вам и не по нраву, но это уж проблема не Койотова, а ваша.

Ну, а насчет башмаков в придорожной пыли... Что ж, теперь вам известно: не стоит их трогать. Видимо, кто-то где-то затевает недоброе, и Койот решил восстановить справедливость. Так что лучше езжайте себе мимо. А знаки эти оставьте тем, кто в них нуждается. Надеюсь, это не вы.

Пэт Мэрфи

Произведения **Пэт Мэрфи** удостоены множества наград, включая премию «Небьюла», Всемирную премию фэнтези и премию «Сейюн» (последняя – за лучший научно-фантастический роман, переведенный на японский). Работает она в широком спектре жанров, от твердой научной фантастики до психологического фэнтези и магического реализма. В свободное от фантастики время Пэт специализируется на поисках интересной работы: пишет книги о науке для сан-францисского «Эксплораториума», интерактивного музея науки, искусств и человеческого восприятия; а какое-то время проработала директором по маркетингу в «Крусибл», некоммерческой школе промышленного искусства и искусства работы с огнем (любой, от кузнечного дела до пожирания огня). В настоящее время она редактирует книги для «Неумех» – издательства, начавшего свой путь в 1977 г. с книги «Жонглирование для полных неумех», а в наши дни выпускающего руководства по ручному труду для подростков. Последний роман Пэт – **The Wild Girls**²³. Ее веб-сайт: www.brazenhussies.net/murphy. Ее любимый цвет – ультрафиолетовый.

²³ Здесь и далее – все данные об авторах и их произведениях актуальны для 2007 года – года публикации антологии на языке оригинала.

Примечание автора

Писателей часто спрашивают, откуда они берут идеи. Но на самом деле спрашивающие неизменно хотят знать: откуда берутся сказки? Ответ прост, и для спрашивающих совершенно бесполезен.

Сказки рождаются из жизненного опыта писателя целиком – из всего того, что писатель сделал, увидел, услышал. Откуда взялись «Непарные башмаки»? Из автомобильного путешествия в Бишоп, штат Калифорния – долгой поездки через пустыни и горы, с множеством времени для раздумий в пути. Из лета, проведенного мной на археологических раскопках неподалеку от Флагстаффа, штат Аризона, за просеиванием почвы в развалинах древнего пуэбло ради глиняных черепков и кусков обработанного камня. Из вида башмаков, лежащих у обочин дорог. Из знакомств с молодыми людьми (и девушками), которым следовало бы быть поумнее. Из любви к трикстерам, из ночного воя пустынных койотов, из источенных ветрами столбов песчаника в Долине Гоблинов, штат Юта, где я побывала многие годы назад. Из всякой всячины, собранной воедино, и родилась эта сказка. Вот так, проще простого.

Койотиха

Кэролин Данн

24

Из глубины холмов,
из черной сырой
земли,
под солнцем гонимой
луной,
в каплях дождя и росы,
сверкая, мчится она.
Летит среди диких сени,
кедров, дурмана,
полыни.
Он ее кличет
в последний раз.
Не ответить она
не может:
это – в ее
крови.
– Женщина, —

так-то он кличет, —
да слышишь ли ты
меня?

Смеется она,
скаля клыки,
несется горящим небом,
укрывает черную землю
рыжим хвостом.

– А сказку расскажешь? —
шепчет,
так, что один он
слышит
шепот ее в отголосках
буйств
вечернего пира.

– Сказку? —
он говорит, —
Сказку
о женщине-псице,
что не идет
на зов
того, кто ее
приручил,
голосом — для начала,
после —

прикосновеньем,
ну, а потом
и песней?

— Сказку, —
шепчет она, —
сказку степей
и пустынь,
и вожделенья,
и ветра,
веющего
над кручами,
мчащегося
по равнинам,
того, что несет
безумие
из нашей родной
земли.

Наши миры
бесформенны,
зыбки,
но там, в груди,
в сердце моем —
моя сказка,
которой тебе
не отнять.

— Я умираю, —
он говорит, —
и ничего не останется,
только ивняк,
да пальмовый луб,
да голоса
за деревьями.

Что станешь петь,
когда кости мои
рассыплются
прахом
в земле?

— Спою я луне, —
отвечает она, —
о ветре,
что жгучим дыханьем
кожу вдруг
обдает.

Спою погребальную песнь
тебе,
кто мой голос смирил
касанием
бледной руки.
Но голос мой

волен,
не сдержат его
ни воск,
ни шнур,
ни оттиск печати.
С ветром летит он
над тихой тьмой
каньонов,
среди сосен
и чапаралия.
Вовек не оставит
он этой земли,
огнем
устремится,
водой потечет
отсюда
к твоей
душе.

Кэролин Дани

* * *

Кэролин Дани – поэтесса, драматург, музыкант и мать, автор трех сборников стихов и книги *Coyote Speaks*, написанной в соавторстве с Ари Берком. Ее стихи и проза публи-

ковались в многочисленных антологиях, а кроме этого она принимала участие в составлении двух антологий произведений современных индейских писателей.

Драматург и актриса, она – член *Mankillers*, чисто женской барабанной группы, исполняющей музыку в северном стиле, а также принимает участие в программе «Голоса Предков» Национального Центра Отри, лос-анджелесского музея американского Запада, посвященной индейскому национальному театру.

Хотите узнать о ее деятельности больше? Милости просим на ее веб-сайт: www.carolyndunn.com.

Примечание автора

В большинстве индейских сказок Койот изображается трикстером мужского пола, но иногда принимает и образ Койотиhi, что часто попадаетсa мне на жизненном пути. Это стихотворение – о ней, о вольной Женщине-Койотиhe, которая бродит сама по себе. Мне нравится вообразать ее гуляющей теплыми пустынными ночами среди скал Южной Калифорнии, подбирающей заблудившихся одиноких щенят и даруя им новый дом.

Игроки с Золотых гор

Стив Берман

25

На полированной деревянной столешнице кружится в бешеном танце монета. Над ней, через стол, не отрываясь, взирают друг на друга двое. Две пары зеленых глаз, одна – цвета прозрачнейшего нефрита, другая дымчата, туманна, будто потускневшая медь, поблескивают в полумраке.

– Ну, полно, м-дорогая, ты просто-таки обязана предоставить мне еще одну попытку снискать твою благосклонность.

Мужчина глубоко затянулся сигарой, дымок которой мог бы потягаться на равных с тончайшими из благовоний.

Женщина подхватила монету и стукнула по ее ребру отлакированным ноготком.

– Ставка?

– Может, любовь?

– Снова любовь, – скучливо вздохнула женщина. – Куда подевались те старые дни, когда ты и слышать не желал ни о чем, кроме богатства?

– Все это было до того, как я увидел тебя во всем разно-

образии обличий. До того, как ты обучила меня кое-каким новым трюкам.

– Значит, ты, Бурен, согласно поговорке собственной родины, пес не старый, а новый?

Мужчина по-волчьи осклабился и разразился лающим смехом.

– Я рожден здесь, м-дорогая. Как и мы все.

– Нет, никакой любви. Результатом ты все равно вечно недоволен.

Рукав шелкового халата женщины скользнул вниз, обнажая сливочно-белую кожу предплечья. Поставив монету на ребро, женщина щелкнула по ней ногтем, и монета вновь закружилась между игроками, посреди стола, оборачиваясь то золотым долларом, то бронзовым кругляшом с квадратным отверстием в центре.

– Я знаю, что тебе нужно на самом деле.

– Ну, это еще нужно поглядеть... – Мужчина склонил голову набок, точно прислушиваясь, но в комнате царила тишина, нарушаемая лишь едва уловимым звоном странствующей по столу монеты. – Вот идет какой-то юнец. Его приход сулит честную игру. – Он пыхнул сигарой и выпустил густой клуб дыма. – Жизнь и смерть?

Уголки губ женщины, вдруг сделавшихся алыми, точно пролитая кровь, дрогнули в намеке на улыбку.

– Идет.

Остановившись у небольшой витрины на Юнион Хилл, Юань Цзи окинул взглядом золотые буквы на стекле, совершенно незнакомые ему даже сейчас, после стольких месяцев жизни в Сан-Франциско. Остановить бы одного из прохожих американцев и спросить, та ли это лавка, да только смелости не хватает... Земляки, работавшие на швейной фабрике рядом с ним, часто шептались о заведении, где можно – путем тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья – снискать покровительство злых духов. Поначалу Юань думал, что все эти небылицы рассказывают только затем, чтобы дать усталой душе отдых от долгой работы иглой и нитью. Теперь оставалось только одно: надеяться, что в этих сказках имеется хоть толика правды.

На поиски духов он отправился вовсе не ради себя самого. Да, порой пустой желудок напоминал о себе ноющей болью, нередко ему стоило немалых трудов сохранять ясность зрения, когда от голода кружился перед глазами весь мир, но тревожился он только о брате.

Всякий раз, возвращаясь поздним вечером с работы, Юань напевал себе под нос моления Будде Амита, надеясь не увидеть посреди улицы перед ветхим домом, где оба ютились в крохотной комнатухе бок о бок с множеством остальных, тела брата. Конечно, никто из жильцов не станет терпеть мертвеца под самым носом, так что труп тут же выволокут наружу и бесцеремонно бросят, словно тухлую рыбу.

Брат почти не вставал с тюфяка уже не первую неделю.

Его мокрое от пота тело терзала горячка. Из заработанных денег Юань не оставлял себе ничего. Что оставалось после расчетов с домовладельцем, шло на еду и лекарства для брата. Чень был так плох, что не мог жевать, и разжевывать пищу за него приходилось ему, Юаню. Как же ему было стыдно, когда он, поддавшись слабости, проглатывал немного риса или, того хуже, кусочек свинины! Сам он жил одним чаем, не обращая внимания на то, что одежда начала болтаться на теле мешком.

Потянув на себя массивную бронзовую дверную ручку, он вошел внутрь. Здесь, напротив витрин, стояли два прилавка, слева – из тонкого бамбука, справа – из тяжелого мореного дуба. На дощатом полу между ними, деля лавку пополам, лежала шкура какого-то зверя. Увидев странные, напоминавшие ослиные, но с куда более густой гривой, головы с обоих концов длинного туловища, Юань присел на корточки и пригляделся к тупым, ровным зубам.

– Любопытствуешь?

Голос принес с собой волну аромата жасмина. Вскинув взгляд, Юань увидел, что за прилавком из бамбука сидит прекрасная маньчжурка с глазами цвета чистейшего нефрита и затейливой прической, украшенной ароматными цветами. Он и не слышал, как она вошла! Из скромности и подобающего почтения Юань поспешил опустить взгляд к полу. Судя по платью и выражению лица, она намного превосходила его в положении.

– Я никогда не видел подобных зверей, – с поклоном ответил он по-кантонски.

Справа фыркнули.

– Ну да, еще бы, – откликнулся по-английски кто-то третий.

Повернувшись направо, Юань увидел, что за вторым прилавком стоит человек – белый. Выглядел он, подобно многим другим американцам – толстый, сытый, маслянисто блестящая рыжая борода, прилизанные волосы, одет во множество слоев грубой колючей шерсти.

– Это тянитолкай, – пояснил американец, ткнув пальцем вниз, в сторону шкуры. – Чертовски редкий зверь. Может, последний на всем белом свете.

С этими словами он поднес к пухлым губам сигару.

Этого странного американского наречия Юань почти не знал, однако понял его слова так же хорошо, как если бы он говорил по-кантонски. И тут же сообразил, что сей факт – сколь бы ни маловероятный, если не совершенно невозможный – подтверждает: вот они, те самые духи, о которых его предостерегали!

Слегка напуганный, но не забывающий держать спину прямой, дабы не выказывать страха, Юань вновь поклонился – каждому по очереди, и остался стоять с опущенной головой.

– Вот это брось. Пялясь в землю, здесь, в Калифорнии, далеко не уйдешь. – Глубоко затянувшись сигарой, белый на-

смешливо хмыкнул. — Если, конечно, не золото ищешь.

— Бурен, не смейся над ним. Он в отчаянии.

Взглянув краем глаза налево, Юань увидел, что высокопоставленная дама поднимается с кресла. На миг аромат ее духов сделался невыносимо приторным. Внезапно что-то царапнуло шею сзади, заставив невольно вздрогнуть. Юань моргнул, и ощущение тут же исчезло как не бывало.

— Поэтому-то он и здесь, перед нами. Не так ли, Юань?

Юноша не припоминал, чтобы называл ей свое имя, но смиренно кивнул. Перед этой парой ему было не просто тревожно. Пустой живот подвело от страха. Сомнений быть не могло: это не смертные, это духи, однако отступить он не мог: без помощи его брат наверняка умрет, а больше бедному кули обратиться было не к кому. Пав на колени, он уткнулся лбом в мягкую кожу тянитолкая.

Бурен толкнул Юаня носком ботинка.

— Поднимайся. Хотел бы я полюбоваться на пороссячий хвост — пошел бы в свинарник.

На миг Юань замер. От грубого замечания американца о его тщательно заплетенной и свернутой спиралью бянцзы, косице в честь отца, порядком отросшей за семнадцать лет, щеки вспыхнули огнем, однако он заставил себя подняться.

— Вот так-то лучше, — сказал Бурен, подбросив монету и поймав ее пухлой ладонью. — Значит, хочешь лучшей жизни для брата? — Он снова фыркнул. — А отчего не попросишь малость удачи для вас обоих?

– Я не дерзнул бы...

– Это точно. Такие, как ты, никогда не дерзают.

Пыхнув сигарой, Бурен повернулся к компаньонке:

– Ханг-нэ, по-моему, этот простофиля – как раз то, что нам нужно.

Та слегка склонила голову.

– Мы готовы предложить тебе удачу и достаток, если ты отыщешь и вернешь нам кое-какую потерю.

– Топор, – добавил Бурен.

– Да. Хранящийся под замком. Мы хотим, чтобы он вернулся к нам до захода солнца.

– Топор? – переспросил Юань, не в силах скрыть изумления.

С чего этой странной паре так нужно вернуть себе нечто настолько обычное? Ведь их богатства наверняка хватит, чтобы купить хоть сотню новых топоров!

– Держи, – сказал Бурен, швыряя монету Юаню.

Упав на раскрытую ладонь юноши, монета преобразилась. Превратилась в ключ.

– И это все, чего вы от меня хотите?

Мысль о том, что жизнь брата зависит от такой пустяковой вещи, казалась едва ли не оскорблением. Или это Будда Амита посылает ему испытание?

– А я думал, вы – народ тихий и старательный.

Склонившись к стоявшей на прилавке керосиновой лампе, он раскурил новую сигару. До этого Юань никакой лампы

на его прилавке не замечал. И – вот странное дело – сигарный дым пах точь-в-точь как его любимая рыбная похлебка! Рот тут же наполнился слюной, и Юань поспешил сглотнуть, чтобы не забывать о деле.

Сложив ладони чашей, Ханг-нэ зачерпнула из воздуха пригоршню сигарного дыма и принялась лепить, мять его ловкими пальцами, пока дым не обрел форму. Тогда она дунула на ладони, заставив встрепенуться и сердито взерошить перья серую ласточку.

– Ступай в город, за ней. Она ответит, куда нужно.

Птица немедленно взлетела и закружилась по комнате.

В последний раз поклонившись, Юань направился к выходу. Стоило ему открыть дверь – ласточка выпорхнула наружу.

Стараясь не отстать от птицы, Юань шагал сквозь лабиринт улиц. Казалось, приземистые дома из кирпича и стали глядят ему вслед, точно хмурые, зловещие великаны. Никакого сравнения с уютным, приветливым Чайна-тауном, пусть тесным, зато нарядным, кипящим праздничной жизнью, проявляющейся во всем – в ароматах многочисленных закусочных, в шуме игорных заведений, в багрянце и золоте вывесок и витрин!

На ходу Юань все гадал и гадал, зачем этой паре мог так понадобиться топор. Обычно отвлечься от скучной тяжелой работы и мук голода помогали молитвы Будде Амита. Даже многие месяцы, миновавшие со дня отъезда из Гуанчжоу

не стерли из памяти коротких мантр, которым он выучился от монахов. Мать так хотела, чтобы эти люди в шафрановых одеяниях приняли его к себе... «Ты слишком смышлен, чтоб оставаться крестьянином, Юань, – не раз говорила она. – Это Чень в меня выдался, а твой ум остр, как у дядюшки». Семья их была так бедна, что о книгах и об учебе, необходимой для сдачи экзаменов на чиновничью должность, и мечтать не стоило. Лучшей судьбы, чем монастырь, ему, пожалуй, было бы не сыскать.

К этому все и шло, пока не прослышал Чень о богатствах Золотых Гор. С тех самых пор брат Юаня сделался сам не свой. Даже в поле мечтал о сокровищах Калифорнии, начисто забывая о работе. Несколько человек из их деревни уже уехали туда. Но если бы мать не умерла от горячки, Чень ни за что не решился бы покинуть Китай. Ну, а Юань не посмел рисковать остаться без единственной родной души, да и духи предков требовали, чтоб с Ченем ничего не стряслось: ведь монахам не позволено жениться и продолжать род. Потому-то он и оставил монастырь, не успев обречь головы и облачиться в шафрановые одежды. И смирился с этой потерей. И даже с тем, что уют и покой предначертанного будущего сменился полной неизвестностью, терзавшей Юаня в долгом плавании на борту парохода. Что делать? Семья важнее всего. Даже переселения в Чистую Землю – неземное царство, где Будда Амига наставит его на путь к Просветлению.

Наконец ласточка села на карниз прочного каменного здания с широкими ступенями у входа. Но ни один из пары духов ни словом не обмолвился, что сквозь эти двери ходят туда-сюда столько белых людей! Разжав кулак, Юань взглянул на ключ, успевший согреться в ладони. Теперь ему сделалось ясно: топор заперт под замок вовсе не Буреном и не Ханг-нэ, а кем-то другим. Но кто же стал бы прятать его от могущественных духов? И для чего?

Остановившись на противоположной стороне улицы, Юань немного понаблюдал за входом. За все это время внутрь не вошел ни один ханец или тан. А юноша прекрасно знал: некоторые места в Сан-Франциско – только для белых. Зачем же духи вынуждают его войти? Может, храбрость испытывают?

Вспомнились слова матери: «Огонь притягивает взгляд первым, а дым – последним». Да. Лучше быть незаметным, чем броским.

Дождавшись, пока к двери не направится обеспеченный с виду американец, Юань быстро пошел за ним, держась поближе, чтобы в глазах зевак выглядеть его верным слугой. Кому придет в голову придирается к лакею, следующему за хозяином?

Внутри обнаружилось много людей в мундирах. Иметь дело с полисменами Юаню еще не доводилось – даже с теми, что патрулировали Чайна-таун. Держась от всех в стороне, он медленно, вдоль стенки, двинулся вперед.

Но один из полисменов заметил его и поманил к себе. Юань заколебался, не зная, что предпринять – послушаться или притвориться непонимающим, но в конце концов медленно, волоча ноги, подошел к полисмену. Тот сказал что-то по-английски. Не разобрав ни слова, юноша мелко закивал и забормотал:

– Да. Да. Да.

Он не раз видел: при помощи этойкой тактики соотечественникам вполне удавалось отделаться от внимания белых. Однако полисмен схватил его за плечо и поволок к выходу. Юань приготовился к тому, что сейчас его вышвырнут вон, но в последний момент кто-то неподалеку окликнул бдительного полисмена. Тот заколебался, разрываясь между желанием выставить Юаня за дверь и чувством долга, но долг победил. Подтолкнув Юаня к дверям, полисмен отправился куда-то со своими товарищами.

Как только полисмен отвернулся, Юань поспешил спрятаться за угол. Здесь он остановился, чтобы немного прийти в себя, беззвучно запел мантру, постукивая по подбородку ключом, и оглядел коридор впереди. Рядом имелась дверь, и он, не раздумывая, сунул ключ в замочную скважину. Ключ подошел и легко провернулся в замке. Юань улыбнулся. Наверное, Будда Амита проявил благосклонность к его беззаветному подвигу! Осторожно, ровно настолько, чтобы протиснуть в щель тощее тело, приоткрыв дверь, он проскользнул внутрь.

Комната, где он оказался, вела в небольшой коридорчик с решетчатыми дверями по обе стороны. У дальней стены отдыхал на наклоненном назад стуле еще один полисмен, а за ближайшей решеткой, на грязной циновке, сидел его соотечественник.

Охранник открыл глаза.

— Ты что здесь делаешь?

Спрятав ключ в рукаве, Юань поднял руку и указал на человека за решеткой.

— Моя идти здесь, к брат, — отвечал он, коверкая английский куда сильнее, чем обычно осмеливался.

Ничего, Будда Амита простит: ведь на самом-то деле его уста не изрекли лжи.

Полисмен грубо захохотал.

— Это твой брат? Ну и семейка у вас!

Охваченный любопытством, Юань подошел к решетке, не забывая поглядывать на охранника краем глаза. Тот внимательно следил за ним и, кажется, от души забавлялся.

Сидящий за решеткой выглядел не моложе отца Юаня, вот только юноша в жизни не видел Цзи-старшего таким избитым. Ухо в запекшейся крови, левый глаз так заплыл, что превратился в узкую щелку. А вот разорванная одежда еще недавно имела очень пристойный вид, не то, что тряпье Юаня...

Казалось, этот человек дремлет или медитирует. Услышав оклик Юаня, он приоткрыл уцелевший глаз.

– Тонг организовала мне освобождение?

– Тонг?

О тонгах, тайных обществах, замешанных во многих преступлениях, Юань не знал почти ничего, и то, что знал, привлекало его не больше, чем сунуть змею за пазуху.

– Если не знаешь, значит, ты не от них, – со стоном сказал человек за решеткой.

– Может, они еще пришлют кого-нибудь, как ты и говоришь.

– Нет. Я расплачиваюсь за собственную глупость. Они бросили меня, своего лучшего топора, гнить в тюрьме.

Услышав эти слова, Юань пошатнулся, точно от удара кулаком, и ухватился за прохладные стальные прутья. Человек в мундире заорал и вскочил со стула. Кротко извиняясь, кланяясь на каждом шагу, Юань попятился назад, а, выйдя из тюрьмы, почувствовал себя круглым дураком.

По пути в Чайна-таун он без устали проклинал надувшую его парочку – и не только за то, чем на самом деле оказались их «топор». Подумать только: им понадобилось, чтобы он освободил явного преступника, опасного человека, и тем нанес ужасный вред собственной карме!

Но, может, этот человек невиновен?

Юань остановился и задумался, однако сама мысль о том, что эта парочка обманом хотела подвигнуть его на благородное дело, казалась нелепой.

– Возвращаешься ни с чем?

Юань огляделся. В дверном проеме лавки, торгующей лечебными снадобьями белых, стояла Ханг-нэ. Он понимал, что на нее не стоит обращать внимания, что слушать ее без толку, так как слова ее, несомненно, окажутся хоть и сладкой, но ложью, однако языка сдержать не смог.

– Хватило же мне ума встрять в сделку со злыми духами! Вот и вспоминаю теперь изречение: «У великой души – воля, у мелкой души – желания».

Ханг-нэ небрежно взмахнула рукой, точно его слова – назойливые мухи.

– Прошу, покажи мне человека, не имеющего желаний! Уверена, такие найдутся только в могиле. Учти и то, что о некоторых вещах незачем говорить вслух. Лучший способ отличить истину – открыть ее для себя самому.

– И ты хотела, чтобы я выпустил на волю преступника и стал преступником сам.

– Я хотела, чтобы освободив его, ты спас брата.

На ее лице отразилась едва ли не материнская забота.

– Я вижу Ченя, – заговорила она, не глядя ни на него, ни на толпу вокруг. Теперь ее взгляд был устремлен к небу. – Бедный мальчик. Руки и ноги слишком ослабли, чтоб встать, дышит неглубоко, как умирающий карп. Будь у него силы, хоть повернулся бы на этой загаженной подстилке. Он ждет тебя. Сны его тревожны, мучительны, он жаждет освобождения, но знает: с твоим приходом жизнь снова станет сносной.

Теперь Ханг-нэ смотрела прямо на него. Казалось, глаза

ее мерцают странным огнем.

– Долго ли ему еще страдать? Решать тебе.

В руках Ханг-нэ возникла роговая чаша.

– Здесь, в чаше, линьчжи. Небесная снедь, что излечит все хвори твоего брата и вернет его в доброе здравие. Спасет его жизнь, да вдобавок продлит ее настолько, что и его покойному величеству императору Цяньлуну не снилось.

Сняв крышку, она подняла чашу к его лицу.

Юань заглянул внутрь. На вид эта травка казалась такой простой, невзрачной, точно какой-то корешок, выкопанный на огороде в котел. Может, в волшебстве никогда без обмана не обойтись?

– Все, что тебе нужно сделать – выполнить нашу просьбу и доставить Чаапа Топора к нам. Живым. Будет жив он, будет жить и твой брат.

– А что, если я просто возьму да откажусь?

– Тогда я прокляну твоего брата, и он умрет еще до прихода сезона дождей.

Ханг-нэ резко качнула чашей, словно вот-вот вывалит ее содержимое под ноги, но в последний момент просто переложила ее из руки в руку.

Нет, допустить смерти брата Юань не мог. Не для того он отправился за море, не для того якшается с длинноносыми белыми варварами, чтоб потерять последнего родного человека!

– Выходит, выбора у меня нет.

Ханг-нэ кивнула.

– Какое смышленное дитя!

Шагнув вбок, она смешалась с толпой и тут же исчезла из виду.

Юань направился обратно к тюрьме, но, миновав всего квартал, невольно замедлил шаг. Остановило его облако самых чудесных ароматов на свете. Юноша жадно потянул носом. Из открытого рта потекла слюна, желудок застонал, забился в судорогах, словно раненый зверь.

– Помню, как в первый раз услышал, что эту землю называют Золотыми Горами, – донесся до него сквозь толпу прохожих голос Бурена. – Какое замечательное название! Тогда-то я и понял, что биться об заклад насчет вас, кули – лучшая забава на свете.

Толпа, заполнявшая улицу, расступилась и замерла, словно бы в изумлении. Бурен сидел во главе длинного стола, накрытого богатой льняной скатертью. Стол был сплошь, до последнего дюйма, уставлен блестящими золотом блюдами. Чего там только не было! Жареный поросенок с яблоком во рту. Телячьи языки. Запеченные птицы – некоторые даже в перьях поверх поджаристой кожицы. Миски супов и жаркого, тарелки засахаренных фруктов и медового печенья... Большинства этих блюд Юань не видал никогда в жизни, но очень даже мог вообразить себе их великолепный вкус, а нос его жадно ловил и пожирал все запахи до единого.

Бурен неторопливо повязал шею салфеткой, поднял

кружку пива и сдул с нее пену.

– Ну что ж, подойди-ка поближе. Подойди, Цзи, не бойся. Не укушу, – со смехом сказал он. – По крайней мере, когда передо мной все это.

С этими словами дух протянул руку к блюду с жареной уткой и отломил ножку. Хрустнула нежная золотистая кожа, с сочного мяса обильно закапал жир.

Юань нерешительно шагнул вперед. Он не столько боялся Бурена, сколько опасался сорваться, превратиться в ненасытного зверя, утратить разум и есть, есть, есть без остановки.

– Знаю: ты там перетрусил до того, что чуть не побелел...

Тут Бурен умолк и вдруг захохотал – раскатисто, грубо, брызжа слюной на стол. Смеялся он долго. В бессильной досаде Юань скрипнул зубами и судорожно сжал кулаки. В голове зашевелились предательские мыслишки: может, дух не заметит, если со стола исчезнет всего один крохотный кусочек? Но тут хохот Бурена пошел на убыль. Мало-помалу дух уgomонился и снова смог говорить.

– Да-да, еще немного – и стал бы настоящим американцем! Но моя глубокоуважаемая партнерша растолковала тебе, что случится, если ты не доставишь Топора к нам.

С этим он разломил надвое утиную косточку и принялся шумно высасывать из нее мозг.

Юань кивнул.

– Вот и хорошо. Однако кое-чего Ханг-нэ тебе не сказала.

Для нас это, видишь ли, не просто забава. Мы побились об заклад.

– И что же на кону?

Бурен громко рыгнул, но никто из окружающих этого словно бы и не заметил.

– Эта дамочка мне не только партнерша, Цзи. Не только партнерша, но и соперница. Очаровательная соперница... – Он отшвырнул утиную кость за спину. – Ладно. Подрастешь – поймешь.

Юань проглотил оскорбление.

– Так ты хочешь сказать...

– Ступай и доставь Топора к нам в лавку. Но мне нужно, чтоб ты доставил его туда мертвым.

Юань отступил назад. От потрясения он разом забыл о роскошных яствах на столе. Столь зловещий приказ – и Бурен отдает его вот так, небрежно, походя, потягивая из чашки бульон?!

– То есть... я должен убить его?

Бурен кивнул. Его борода блестела от жира.

– И получишь в награду куда больше, чем в силах предложить Ханг-нэ. Я правлю всей этой Калифорнией с тех самых пор, как первым поселенцам пришлось продавать души за пресную воду и хворост для костра. Я предлагаю небывалое процветание тебе и твоим потомкам. Они никогда не будут нуждаться в еде, в их карманах всегда будет звенеть золото... Клянусь, Калифорния будет к ним ласкова до конца времен!

Новые посулы! Да можно ли доверять хоть одному из этих духов?

– А если я откажусь? – спросил Юань.

Бурен пожал плечами и снял крышку с супницы.

– Тогда на твоём столе, и на столах твоих детей, и на столах твоих внуков не бывать ничему, кроме голода и нищеты. Неужто ты настолько безжалостен?

– Но... мертвым?

– Это наемный убийца. Какая тебе забота, жив он или же мертв?

Бурен смачно впился зубами в огромный бифштекс. Вниз по его запястью потек мясной сок пополам с кровью.

Юань открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут за спиной раздалось пронзительное конское ржание. Оглянувшись, он едва успел отскочить и не попасть под копыта несущегося прямо на него жеребца. Когда же юноша повернулся назад, Бурена с его пиршеством и след простыл.

Рот наполнился едкой горечью. Одна мысль о том, что ему придется... нет, об этом он и думать не желал. Если ему суждено иметь детей, им предстоит жить, страдая от стыда за отца-убийцу. Да этот Бурен просто не понимает, не ведает, что такое сыновняя почтительность и преданность семье, какая это честь – принять на себя и блюсти долг перед предками и потомками! Еще бы! Что может знать американский дух о родственных узах и верности? Ясное дело, ничего.

Чаапа придется освободить. Тут никуда не денешься. Но

он, Юань Цзи, не навлечет позора на предков и не рискнет никогда не войти в Чистую Землю. Ну, а брат, исцеленный волшебной травой, позаботится о том, чтоб он не слишком страдал.

Впереди вновь показалась тюрьма. Зачем он только поддался земным страстям? Зачем погнался за удачей, за сокровищами, за посулами Золотых Гор? Все эти посулы – обман, сплошное нагромождение лжи. Как он был глуп, поверив письмам и рассказням о житье в Новом Свете!

Едва Юань начал подниматься по ступеням тюремного крыльца, его окликнул какой-то полисмен – возможно, тот самый, что привязался к нему прежде. Юноша заколебался, не зная, что делать, но тут сверху, прямо в лицо полисмену, метнулась серая птичка – та самая ласточка, порожденная колдовством Ханг-нэ! Воспользовавшись тем, что страж порядка забыл о нем, Юань быстро подошел к двери и шмыгнул внутрь.

Охранник на стуле спал. Из-под его стола торчало горлышко пустой бутылки. Убийца за решеткой вскинул взгляд, но увидев, что это всего лишь Юань, снова улегся на циновку и поднялся только после того, как юноша окликнул его по имени.

– В чем твое преступление?

– А на что тебе знать? Поизмываться пришел? Кто ты таков?

В ответ Юань показал ему странный ключ. Он был уве-

рен: этот ключ отопрет любую дверь, преграждающую путь к Топору.

– Расскажи, и я выведу тебя на волю.

Чаап продошел к решетке и заговорил:

– Я прожил здесь, в Золотых Горах, много лет. Благодаря помощи тонга, ни в чем не знал нужды. Деньги, еда, уважение – все у меня было в достатке. Не хватало только одного. Женщины, что стала бы моей женой, вела хозяйство и рожала мне сыновей. Американцы, видишь ли, не желают, чтоб мы обзаводились семьями, потому-то и китайских женщин здесь так мало. И вот однажды услышал я о паре волшебников, которые могут исполнить желание...

Юань невольно стиснул кулаки – так, что бородавка ключа больно впиалась в ладонь. Ну да, конечно, чему тут удивляться? Чего ожидать от парочки духов, способных на любую каверзу? Они играют в свои игры, спорят меж собой, а всякий, кто настолько отчаялся и оказался настолько глуп, чтобы прибегнуть к их помощи, для них – всего лишь камешек на доске.

– Что с тобой, друг мой?

Просунув руку сквозь прутья, Чаап ухватил Юаня за плечо. На миг юноша встревожился: что, если этот человек заставит его отпереть дверь силой? Но, стоило ему прийти в себя, пальцы Чаапа разжались.

– Ничего, все в порядке, – ответил он.

Это была ложь. От голода мутилось в голове. На миг он

пожалел, что не стянул чего-нибудь со стола Бурена, но тут же устыдился этого.

– Так вот, пошел я к ним, и они согласились помочь. Подыскали мне чудесную девицу, устроили так, что она полюбила меня с первого взгляда. Она живет на Уэверли-плейс. Но прежде, чем допустить меня к ней, потребовали оказать им ответную услугу.

– О чем же они попросили?

– Велели мне взять свой топор, до тех пор служивший только тонгу, да надрубить колеса одной кареты. Я и подумал: урон имуществу белого – невелика плата за добропорядочную жену.

– Однако в итоге плата оказалась не такой уж маленькой. Чаап согласно кивнул.

– Ну да. Карета-то принадлежала мэру. И разбилась. И куча свидетелей показала на меня.

Юань попятился назад. Он до последнего мига надеялся, что выслушает историю Чаапа и тот окажется ни в чем не виновным, но все эти надежды были сплошным ребячеством. Чаап совершил преступление. На родине, за морем, всякий, посмевавший поднять топор на имущество управителя провинции, лишился бы головы. Нет, Чаап недостоин свободы и должен понести наказание. Пострадать и остаться неотмытым – такого не заслуживает даже белый.

Отпирая дверь, Юань почувствовал, что руки словно налились свинцом. Казалось, тяжесть содеянного влечет его

прочь от благословенной Чистой Земли.

– Скажи-ка, где ты ухитрился раздобыть этот ключ?

Юноша прислонился плечом к решетчатой двери.

– У той самой пары.

– У той самой пары? Выходит, они решили загладить учиненное надо мной озорство?

При виде улыбки на покрытом синяками лице Юаню сделалось еще тяжелее, и он не ответил. К чему обманывать человека?

– Нам нужно вернуться к ним.

– И в самом деле, надо бы, но прежде я получу жену.

– Нет, сначала...

– Благодарю тебя, друг мой, что протянул мне руку помощи! Надеюсь, однажды смогу отплатить тебе тем же.

Чаап побежал к двери. Юань рванулся следом, чтобы остановить его, но вдруг окружающий мир накренился и выскользнул из-под ног. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на полу, заморгал и осторожно ощупал ушибленную голову. На затылке вздулась огромная шишка, а Топор исчез.

На полу перед дверью в камеру поблескивала монета. Что было ключом, приняло прежний облик. Волшебство монеты доверия не внушало, и Юань оставил ее лежать перед столом полисмена. Тот безмятежно храпел, забывшись пьяным сном.

Вернувшись в Чайна-таун, Юань обнаружил Чаапа сидящим на земле перед домом с ярко раскрашенным балконом.

Голова Топора была опущена, будто он убит горем или снова ждет палача. Юань ожидал, что, увидев его, Чаап вскочит и бросится бежать, но тот даже не шелохнулся.

– Дурак я, дурак, – пробормотал Топор. – Веди меня назад, в тюрьму. Другой судьбы я не заслуживаю.

– Что здесь стряслось?

– Загляни в окно. Посмотри на нее.

Что-либо объяснять Чаап наотрез отказался. Тогда Юань отыскал поблизости несколько старых ящиков и досок и соорудил под окном пирамиду, на которой кое-как смог устоять. Он не на шутку опасался снова сомлеть и упасть, но должен был выяснить правду – по крайней мере, хоть о чем-то.

За окном оказался небольшой кабинет. В угловом кресле сидела, читая книгу, темноволосая девушка. Ее окружали стопки бумаг, груды небрежно свернутых свитков и целые штабеля книг. Никогда в жизни Юаню еще не доводилось видеть столько писанных слов разом!

Вдруг ящик под ногами угрожающе закрипел. Взглянув вниз, Юань поспешил убрать ногу с треснувшей доски, а когда вновь поднял взгляд, в окне, прямо перед его носом, показалась ужасная морда. Юноша вскрикнул. Яростный блеск черных глаз, острые клыки, рога... Казалось, это какая-то кошмарная помесь пса с драконом. Чудовище гавкнуло, Юань потерял равновесие и рухнул вниз. Не подхвати его Чаап, мог бы здорово расшибиться о мостовую.

– Ну, видел ее? – спросил Топор, помогая Юаню встать

на ноги.

Юань покосился в сторону окна и содрогнулся.

– Видел. Видел.

– Я не могу взять ее в жены.

– Ну да, еще бы.

– Мои родные и друзья... Они меня на смех подымут.

– На смех? Скорее, отпевать тебя начнут.

– Скажут: «бедный Чаап...»

Топор вновь опустился на землю.

– Да, такая жена...

– С такой уймой слов в голове, – кивнув, подхватил Чаап.

– Слов в голове? Рога тебя, выходит, не смущают?

Топор смерил Юаня изумленным взглядом.

– Какие рога? О чем ты?

– Она же – чудовище.

Чаап передернул плечами.

– Хуже! Она – ученая. Быть может, гораздо учение, чем те, кто дома сдает экзамены на государственную должность. Какому мужчине нужна ученая жена? Кто ему будет стирать и стряпать? Ведь не она же! У нее голова до отказа забита странными раздумьями да завиральными мыслями.

Юань слушал его и ничего не понимал. Неужто Чаап не видел той женщины с жуткой мордой? Или это он, Юань, что-то путает?

– Выходит, все, что я сделал, напрасно. Будь прокляты эти двое! – Топор почесал плечо. – Жаль, топор у меня забрали.

Услышав эти слова, Юань совсем пал духом. Как же ему теперь убедить обманутого Чаапа вернуться в лавку к духам? Силой? Но, даже зверски избитый, Топор превосходил Юаня в весе на много цзиней и мог легко одолеть его. Значит, всему конец. Он оплошал кругом. Оплошал перед лживыми духами, подвел больного брата и навлек бесчестье на предков: теперь их духи обречены страдать без потомков, которые могли бы отдать дань их памяти.

Едва не рухнув на землю рядом с Чаапом, он подумал, что любой прохожий мог бы принять их за отца с сыном, удрученных какими-то невзгодами. Но дело было куда как хуже: скорее всего, в этот день они оба навсегда остались без семьи.

Если бы он и вправду был таким мудрым, каким считала его мать... Стараясь не обращать внимания на хоровой стон Чаапа и пустого желудка, Юань закрыл глаза и начал собираться с мыслями. А чтобы успокоиться и сосредоточиться, еле слышно затынул:

– А-ми-та-бха... А-ми-та-бха...

И тут ему на ум пришло излюбленное изречение одного из монахов: «Водам далекой реки не утолить сиюминутной жажды». Юань знал, что это значит: не гонись за тем, что далеко, обходись той малостью, что под рукой. Может, отыщется способ убедить девушку помочь? Одной ее улыбки может оказаться достаточно, чтобы Чаап передумал!

– Пожалуйста, подожди меня здесь, – сказал он Топору и

вошел в дом.

Надеясь, что не ошибся дверью, Юань постучал. После второго стука дверь распахнулась, и на пороге появился крепко сложенный человек средних лет. Судя по простой темной одежде, слуга.

– Мне крайне необходимо поговорить с вашей хозяйкой, – с легким поклоном сказал Юань.

Слуга оглядел его с ног до головы и слегка нахмурился.

– Я могу передать ей все, что потребуется, – сказал он, не спеша впускать юношу внутрь.

– Дело касается ее нареченного.

Слуга сдвинул брови еще сильнее.

– Об этом моя повелительница Ханг-нэ не упоминала ни словом.

С этими словами он начал было закрывать дверь прямо перед носом Юаня.

– Подождите.

Слуга остановился.

– Учти, дитя смертных: я чую ложь, – прорычал он, оскалив острые желтые клыки.

При виде этого Юань едва не забыл, что собирался сказать.

– Это они послали меня. Топор со мной, внизу.

Оставалось только молиться, чтобы в этих словах оказалось больше правды, чем лжи. О том, что может впоследствии, если этот слуга, кем бы он ни был, останется недоволен,

не хотелось и думать.

Обычное с виду лицо слуги вновь превратилось в жуткую морду – ту самую, что показалась из окна. Черный собачий нос звучно втянул воздух. Юань ахнул от страха.

– Входи, – прорычал слуга, медленно возвращаясь в человеческий облик.

Следуя за ним, Юань миновал анфиладу крохотных, тесных комнаток, битком набитых бесценными статуями, увешанных картинами и картами. Наконец сильная рука толкнула юношу в плечо, усаживая его на жесткую скамью.

– Минуту, и сможешь увидеть ее.

С виду вышедшая к Юаню девушка выглядела не старше Ченя, а может, даже его самого. Хрупкая, стройная фигурка, пышные одежды из множества драгоценного шелка и золотой тесьмы... Казалось, все это богатство не возвышает ее, а гнетет, пригибает к земле. На лице, под слоем белил цвета слоновой кости, застыла печаль.

– Вы пришли с новостями о Гэне Чаапе?

– Да, – с низким поклоном ответил Юань.

Девушка кивнула в знак готовности слушать.

Юань глубоко вздохнул. Сегодня он выслушал много раззолоченных языков. Оставалось надеяться, что это придаст хоть какой-то лоск и его собственному.

– Достопочтенный и достославный Чаап ожидает свою возлюбленную внизу.

В дверном проеме напротив мелькнул силуэт слуги.

– Он хочет представить вас великим духам, Ханг-нэ и Бу-рену, – поспешно добавил Юань.

Девушка вскинула руку, прикрыв ладонью рот.

– Вы взволнованы? Не бойтесь. В последние дни Гэн Чаап сумел снискать немалую известность. Теперь известен он даже американцам, а их люди в мундирах оберегали его жизнь.

Похоже, эти слова только встревожили девушку сильнее прежнего. В уголке ее глаза набухла слеза.

Юань опустил на колени.

– Прошу вас, позвольте узнать, чем я мог вас расстроить?

– Я не знакома с Гэном Чаапом, но знаю Ханг-нэ. Это она похитила меня из дому и перенесла сюда.

Юань терпеливо ждал, в уверенности, что это еще далеко не все.

– Мой отец – правитель провинции Ганьсу. Сыновей у него нет, и он уступил моим детским желаниям учиться. – Девушка коснулась пальцем ближайшего свитка. – Теперь он вынужден оплакивать меня, как умершую, и считать, что понес наказание за этот грех.

– Но отчего же?

– Однажды вечером к нам в дом явилась женщина, которой я никогда прежде не видела. Она вручила мне послание, где было написано, что мне суждено выйти замуж за совершенно незнакомого человека. Едва дочитав письмо до конца, я обнаружила, что я уже не дома. А здесь.

«Выходит, ее похитили? – подумал Юань. – И только из-за

того, что Чаапу не терпится жениться?» Его охватил жгучий стыд. Ведь он пытался надуть ее! Повел себя не лучше, чем эти духи...

– Ханг-нэ призвала ши-цзи, льва-стража, и приставила его ко мне, чтоб я не сбежала, – продолжала девушка, повернувшись в сторону слуги. Тот поклонился ей. – Он стережет меня до свадьбы.

– Простите меня, – сказал Юань, коснувшись лбом половиц.

– За что?

– За лживые речи. Я облек ложь в такие слова, чтоб она выглядела правдой. Мы все обмануты духами, и обманывать тебя дальше я не стану. Тот, кому они обещали тебя в жены... Я не слишком хорошо знаком с ним, но знаю, каково его ремесло. Он – «топор» тонга, наемный убийца.

Он ожидал, что девушка вскрикнет от ужаса, а может, даже бросится бежать, но та лишь печально кивнула.

– Однажды Мэн-цзы сказал: «Невзгоды нас укрепляют, покой же и довольство – губительны». Кто я, чтобы спорить с мудрыми?

Эта покорность судьбе вселяла боль в сердце. Если бы только найти способ спасти их обоих... Но как?

Юань крепко задумался.

– А что, если... – заговорил он, поднимаясь на ноги. – Конечно, я не мудрец. Вам известны мысли многих великих умов, и, может быть, мое предложение покажется вам смеш-

НЫМ...

– Назови свое имя.

– Что?

– Прежде, чем ты продолжишь, я хочу узнать твое имя.

Юноша покраснел.

– Юань Цзи, – ответил он.

Девушка едва заметно улыбнулась. Внезапно Юаню отчаянно захотелось увидеть ее улыбку еще раз. Голова переполнилась глупыми мыслями о песенках и шутках, при помощи коих этого можно достичь.

– Так что же ты хотел предложить?

– Чаапу вовсе не по душе жена, превосходящая его мудростью. Вы тоже не желаете за него замуж...

Юноша прикусил губу, не зная, насколько может быть с ней откровенным. В глубине души ему очень хотелось рассказать обо всем, но он ни за что не осмелился бы подвергнуть опасности жизнь брата.

– Нам нужно должным образом изложить создавшееся положение духам, устроившим всю эту каверзу! – Схватив с ближайшего столика кисть для письма и лист бумаги, Юань подал все это девушке. – Если вы напишете Чаапу письмо, в котором будет сказано, что его злодеяния разбили ваше сердце и теперь он для вас мертв... поверьте, все будет в порядке!

Девушка погрузилась в молчание, задумчиво глядя на него. Казалось, минуты тянутся целую вечность, но наконец она кивнула и взяла кисть.

– В последние дни я повидала немало чудесного, – сказала она, подойдя к столу и смахнув с него локтем все лишнее. – Могу ли я усомниться в том, что и ты способен творить чудеса?

Склонившись к столу, она уронила на камень для растирания туши несколько капель воды, прижала к нему палочку туши и спустя минуту начала писать.

Слуга проводил юношу к выходу. Прежде чем вручить ему сложенное письмо, девушка придвинулась поближе и с новой едва различимой улыбкой шепнула:

– Мин Ли.

«Это ее имя», – догадался Юань, и несколько раз мысленно пропел его, спускаясь вниз.

Чаап подремывал снаружи, на том же самом месте. Юань толкнул Топора ногой и, прежде чем заговорить о том, что им нужно вернуться в лавку духов, вновь помолился Будде Амита, прося Его проявить толику снисхождения к затее неразумного юнца.

Западный горизонт окрасился багровым заревом заката. Подойдя к лавке, Юань с Топором обнаружили, что ставни на окнах закрыты. Юноша заволновался, решив, что они опоздали, но нет – дверь отворилась, стоило только взяться за ручку.

Парочка духов ждала их. Бурен сидел на своем месте, задрав на прилавок ноги. Ханг-нэ облокотилась на свой при-

лавок и подперла подбородок ладонью. Оба держали в руках высокие, тонкие бокалы, наполненные янтарным питьем. На шкуре странного зверя посреди лавки стояло ведро со льдом, а из него торчало горлышко бутылки.

Чаап, словно уменьшившийся в размерах, остался у порога.

– Что ж, – заговорила Ханг-нэ, сделав солидный глоток из бокала, – наш Топор вернулся, и, по всей видимости, победа за мной.

– Я никогда не мог понять, как брат может внушить подобную преданность, – проворчал Бурен, опустив свой бокал на прилавок.

– Ну да, не ты ли продал своих с головой?

Бурен со вздохом пожал плечами.

– Что ж, Цзи, радуйся обществу брата. Других радостей в жизни ни тебе, ни твоим сыновьям не видать.

Юань приказал себе не терять спокойствия и силы. Его план срабатывает, непременно срабатывает.

– Боюсь, вы ошибаетесь.

Бурен изумленно поднял густые брови.

– Да ну? Уж не привел ли ты к нам призрака?

Вместо ответа Юань подал Ханг-нэ письмо. Взглянув на страницу, она смерила юношу недоверчивым взглядом и принялась читать.

– И что там написано? – спросил Бурен.

Ханг-нэ смяла письмо в кулаке. Ногти ее удлинились, сде-

лались острыми, словно звериные когти.

– Это нечестно, – процедила она.

– Я подумал, что о некоторых вещах незачем говорить вслух, – сказал Юань, не в силах сдержать улыбку.

Ханг-нэ передала бумагу Бурену. Тот развернул письмо и захохотал.

– Блестяще, Цзи! Это куда лучше призрака!

Похвал Юань не ожидал. Опасаясь, как бы ушлая парочка не начала юлить, уклоняясь от уговора, он поспешил заявить:

– Итак, доставив вам вашего Топора и живым и мертвым, я заслужил оба ваших дара.

– Я и не припомню, когда меня в последний раз сумели надуть! И тебя, Ханг-нэ, тоже.

– Кто бы осмелился!

Казалось, Ханг-нэ сделалась выше ростом и шире в плечах.

– Осмеянная женщина...

Опорожнив бокал, Бурен вновь потянулся за бутылкой.

– Осмеянная? Обжуженная! – Ханг-нэ направила коготь на Юаня. Глаза ее вспыхнули изумрудным огоньком. – Я обманывала глупцов тысячи лет! Когда я сошла с Гималайских гор в Срединное Царство, твои предки еще рылись в земле голыми руками!

Чаап тоненько заскулил и пал на колени, моля о пощаде. Юань сделал шаг назад.

– Я начну с твоих рук и ног, не спеша доберусь до груди и буду выщипывать из нее по ребрышку...

Пальцы Ханг-нэ судорожно скрючились, сжались от предвкушения. Но стоило ей рвануться вперед, в дело вмешалась бутылка шампанского, угодившая горлышком ей прямо под ложечку. Ханг-нэ согнулась вдвое и схватилась за живот.

– Прости, м-дорогая.

– Бурен, – с трудом выдавила Ханг-нэ.

Американский дух разжал пальцы, выпустив бутылку, и обратился к Юаню:

– Умно, Цзи, умно. Ты ведь загодя знал, что в конце концов я тебя спасу.

Юань спокойно кивнул, хотя внутренне трепетал, как лист на ветру.

– Вы ведь клялись, что мои дети будут процветать. Выходит, и ей причинять мне вред не позволите.

Пока Бурен не начал действовать, Юань вовсе не был уверен, что дух вмешается, но зачем Бурену об этом знать?

Тем временем глаза Ханг-нэ приняли прежний лучезарно-нефритовый оттенок.

– Позволь, я его хотя бы слегка изувечу?

– Нет, – возразил Бурен, сделав шаг и встав между ними. – Ничего такого, что может испортить его будущее. Свои законы есть даже у меня.

«И честь, – подумал Юань. – Может, посулы Золотых Гор, о которых грезил брат, на самом деле правдивы?»

Ханг-нэ одернула одежды и поправила волосы. Ее пальцы тоже приняли прежний вид.

– Будь осторожен Юань Цзи. Помни: я не желаю видеть тебя снова.

Выдвинув невидимый за прилавком ящик, она вынула ту самую чашу. Юань с опаской принял ее, но заглянуть внутрь и проверить, что там, не осмелился.

Бурен хлопнул в ладоши. Звук эхом заскакал в стенах лавки, мало-помалу превращаясь в веселый смех и звон монет. Миг – и его прилавок оказался уставлен золотыми блюдами. На этот раз Юань не колебался. Схватив с блюда жареную курочку, которой с лихвой хватило бы и брату, и ему самому, он принялся наполнять пазуху свежеиспеченными пампушками.

– А что же будет с Чаапом? – спросил он.

– Ну, наверное, лучше подыскать ему другую жену, – заметил Бурен.

– По-моему, Шэнь, что промышляет ловлей крыс, недавно овдовела, – предложила Ханг-нэ.

Топор вскрикнул от радости, распахнул дверь и выбежал на улицу.

* * *

Юань мчался по темнеющим улицам Сан-Франциско со всех ног. Только бы не споткнуться в полумраке! Добежав

до ветхого здания в Чайна-тауне, служившего ему домом, он увидел снаружи толпу, начисто заслонившую вход. Неужто опоздал?! Неужто все, что он пережил, все через что прошел, пропало даром? Проталкиваясь сквозь гущу народа, он обронил кое-что из принесенной еды, но чашу с чудотворной травой стиснул так крепко, что пальцы побелели.

Посреди толпы сидел самый странный зверь из всех, каких Юаню только доводилось видеть – мощного сложения, толстолапый, короткошерстый, с густой кудрявой гривой на голове. Он сидел мордой к зданию, будто не замечая изумленных взглядов и перешептываний окруживших его мужчин, женщин и ребятишек, однако, стоило Юаню приблизиться, зверь повернулся к нему. Не узнать этой морды и черных блестящих глаз было бы невозможно. Лев-страж коротко рыкнул, словно приветствуя Юаня. Толпа воззрилась на юношу с интересом.

Под множеством взглядов Юаню стало не по себе, да и брата увидеть не терпелось, однако он догадался: лев послан не духами. Льва послала к нему Мин Ли.

Юноша склонился к зверю так, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от львиной морды. В пасти льва блеснули кончики острых клыков.

– Передай хозяйке, что для меня будет величайшей честью встретиться с нею снова, но только после того, как я позабочусь о своем брате, о Чене.

Зверь кивнул и рыкнул еще раз. Толпа расступилась, и

лев-страж большими скачками помчался прочь.

Поднявшись по шатким ступеням и миновав темный коридор, Юань вошел в свою тесную комнатку. Землистые лица со всех сторон обратились к нему. Запахи еды вызвали ропот и множество голодных взглядов.

Казалось, с самого утра Чень даже не шевельнулся. Увидев брата, он попытался подняться ему навстречу, но не смог даже оторвать головы от грязной циновки. Сняв с чаши крышку, Юань осторожно, не торопясь, принялся кормить брата линьчи. С каждой проглоченной щепотью челюсти Ченя двигались все увереннее, на глазах обретали силу.

К Юаню подошла крохотная девчушка, дернула его за рукав и попросила пампушку. Юань угостил ее, и она помчалась к родным – делить добычу на всех.

Тут юношу снова потянули за рубашку. Оборачиваясь, он ожидал увидеть еще кого-нибудь из соседей, но это оказался Чень. Впервые за много дней он сидел прямо, и глаза его были ясны.

– А еще есть? – хрипло спросил он.

Юань рассмеялся. Казалось бы, звук этот был так чужд, так неуместен в столь мрачной обстановке, однако все вокруг тоже заулыбались.

– Конечно, брат. Есть. И, сдастся мне, отныне будет всегда.

Стив Берман

Свой первый рассказ **Стив Берман** опубликовал в возрасте семнадцати лет. С тех пор его произведения появлялись в ряде антологий, включая «Пляску фэйри» и *Japanese Dreams*. Его дебютный роман, *Vintage, A Ghost Story*, дошел до финала премии Андре Нортон, а не так давно он составил и выпустил в свет антологию рассказов *Magic in the Mirrorstone*. Живет Стив на юге Нью-Джерси, в компании очень и очень требовательного фамильяра.

Примечание автора

Идеей «Игроков с Золотых Гор» я обязан настоящему, реальному мистеру Цзи – Цзи Сяобэню, моему преподавателю востоковедения. На протяжении целых пяти курсов он подвергал меня в изумление лекциями об истории и обычаях Китая, и я был просто обязан написать этот рассказ, дабы отблагодарить его за науку. Ну, а поскольку действие происходит в Сан-Франциско середины девятнадцатого века, я решил, что в рассказ нужно включить не только трикстершу-китайянку Ханг-нэ, но и еще одного трикстера, явного американца, в образе Бурена. Оба они представляют собой смесь древних легенд и моей собственной фантазии: в ти-

бетской мифологии имеется демонесса по имени Ханг-нэ, а Бурен – волшебная версия Финеаса Тейлора Барнума²⁶.

²⁶ Финеас Тейлор Барнум (1810–1891) – широко известный в XIX веке американский шоумен и антрепренер, организатор цирка своего имени, прославившийся множеством мистификаций.

Те, кто нас слушает

Нина Кирики Хоффман

27

В комнатах женщин, под крышей, стояла жара, хотя солнце уж час, как скрылось за горизонтом. Сквозь крохотное оконце под потолком внутрь не проникало ни ветерка, что мог бы всколыхнуть воздух и принести с собой дуновение ночи. Огоньки масляных ламп тянулись кверху ровно, точно отвес каменщика. Пахло пылью, потом и оливковым маслом. В этот летний вечер хозяйка дома, ее восемнадцатилетняя дочь Пантея, еще три рабыни и Ниса пряли толстую шерсть для зимней одежды.

Двери в главный зал они оставили открытыми и слушали речи мужчин, доносившиеся из мужских комнат, снизу. На закате мужчины закончили трапезу, и после этого гетера по имени Калонике начала играть им на парной флейте одну мелодию за другой. Эта дама нестрогих правил славилась своим музыкальным искусством, и нанять ее могли себе позволить только богачи из богачей. Сегодня вечером хозяин дома развлекал какого-то очень важного гостя.

Четырнадцатилетней Нисе, младшей из домашних рабынь, эти мелодии очень нравились, и она изо всех сил старалась удержать их в памяти: ведь хозяйка ни за что не позволит достать флейту и попробовать сыграть их самой сегодня, сейчас, пока прочие женщины с жадным любопытством прислушиваются к новостям, а игру Нисы могут услышать мужчины. Ловкие пальцы Нисы проворно вили из коричневой пряжи нить, а меж ее коленей, тихонько жужжа, кружилось веретено. Кое-какую женскую работу вполне можно делать молча – чем болтать, куда лучше послушать, что происходит там, внизу.

Музыка стихла. О мозаичный пол мужских покоев зазвенели монеты, нежный голос прославленной гетеры проворковал слова благодарности и пожелал всем доброй ночи. Один из рабов-мужчин проводил ее через двор и выпустил за ворота.

Теперь мужчины завели разговор, но, успев осушить всего по одной-две чаши, говорили не так громко, чтоб женщинам удалось их расслышать.

– Ниса, – велела хозяйка, – поди-ка послушай, что они там говорят.

Ниса свернула нить петлей, чтобы не расплеталась, положила веретено на пол, встала и потянулась. Выскользнув за дверь, она прокралась вперед вдоль верхней галереи, выходящей на внутренний двор. Из открытых дверей мужских покоев струился наружу свет ламп, ложась тусклой по-

золотой на домашний алтарь, на который вся семья возлагала ежедневные жертвы Зевсу и богам-покровителям дома. В мужских покоях мелькали тени, изнутри доносился смех. Укрывшись за перилами галереи напротив мужских покоев, Ниса обхватила руками колени, припала глазом к щели в перилах и приготовилась к запретному зрелищу. Мужчины возлежали на ложах, расставленных вдоль стен, а перед ними стояли низкие столики. Многофитильные масляные лампы согревали блюда с угощениями. От столика к столику ходили двое рабов, предлагая пирующим вино с водой и маслины.

– Неужто вас не тревожит, что вы обращаетесь с людьми, как с животными? – спросил один из мужчин.

В его голосе слышался чужой, варварский акцент, но узнать его Нисе не удалось.

– О чем это ты говоришь? Эй, Мегаклес, подай-ка сюда вон тот кувшин вина! – откликнулся хозяин.

– Об этих рабах, – пояснил варвар.

Из покоев с пустым блюдом в руках вышел и двинулся через двор, к кухням, Киприос. Он был самым миловидным рабом в доме, но слишком уж хорошо знал о своей красоте. И пользовался ею, чтоб получать подарки от граждан и прочих свободных людей. Нередко уходил из мужских спален с дареными монетами. И никогда ни с кем не делился.

– Мы вовсе не обращаемся с рабами, как с животными, – возразил хозяин. – Ослы у меня по дому, как видишь, не расхаживают. И львы не стряпают в кухнях еду. И псам не

позволено прясть пряжу, жать из олив масло и давить виноград. С рабами мы обходимся, как с рабами. Они куда более ценны, чем животные.

– А вот у меня на родине рабов не держат.

– Ну так, должно быть, ваша страна очень бедна. Мегаклес, налей-ка еще вина нашему неискушенному гостю! Пробовал ли ты когда-нибудь вино столь изысканного вкуса? Мы растим лучший виноград во всех окрестных землях!

– Кстати, Дракон, – обратился к хозяину Аристид, – вчера на рынке я заметил, как самая юная из твоих рабынь помогала Мегаклесу с покупками. Не думаешь ли ты в скором времени получить от нее приплод?

– От Нисы? Не знаю. Вполне возможно. Конечно, ей уже четырнадцать, самый возраст. Глаз ее остр – любой обман на рынке примечает быстрее всех в хозяйстве. И ловко прядет. И, к тому же, музыкальна...

– И весьма привлекательна, – добавил Аристид.

Аристид был хозяину ближайшим другом, и Ниса, если только могла, пряталась на женской половине всякий раз, как он заглядывал в гости. Уж очень не нравились ей ни его лапы, ни взгляды, что он бросал на нее.

– Будь она свободной женщиной, – продолжал Аристид, – я посвящал бы ей стихи. Но, раз уж она – рабыня, позволь заплатить тебе, дабы воспользоваться ею.

Хозяин расхохотался и пробормотал что-то – так тихо, что Ниса не разобрала слов.

– У нее все задатки хорошей, исключительно полезной рабыни, – сказал он в полный голос. – Даже не знаю, не рано ли портить ее тягостью да родами.

– Все твои убытки я возмещу с лихвой, – посулил Аристид. – Ну, ради нашей дружеской любви, окажи мне эту милость!

Ниса стиснула кулачки.

– Разве ты хочешь, чтобы твое родное дитя росло в рабской утробе? – заговорил кто-то еще. – Позволишь ему родиться рабом? Уж лучше излей семя в утробу жены – там его место по праву.

«Верно, – подумала Ниса. – Вот туда и излей».

– Жена уже родила мне троих прекрасных сыновей, – сказал Аристид. – Теперь я желаю наслаждений, а эта девочка с виду – совершенно в моем вкусе: стройна, почти как мальчик, лицо лучится юностью, на коже ни пятнышка...

– Тебя послушать – ты словно бы влюблен, – заметил хозяин.

Голос его зазвучал заметно мягче прежнего. Кто-кто, а Аристид мог выклянчить у него все, что угодно.

В животе Нисы зашевелился страх.

– Пс-с-ст! – прошелестело над галереей.

Ниса оглянулась. В дверях на женскую половину стояла, маня ее к себе, Евдокия, старшая из рабынь. Поднявшись на ноги, Ниса прокралась к ней, обе переступили порог и тихо прикрыли за собой двери.

– О чем они там говорят? – спросила хозяйка, понизив голос.

– Ни о чем интересном, – пробормотала в ответ Ниса. – Ни о политике, ни о торговле.

– И о философии не говорят?

Ниса улыбнулась. Философия немало забавляла их всех, но хозяйка была от нее просто сама не своя. Когда бы Ниса ни вернулась с рынка, хозяйка непременно требовала ее к себе и заставляла пересказывать все необычные теории, что обсуждали мужчины в стое²⁸. Некоторые из свободных могли проводить в разговорах под сенью колонн стои весь день напролет – им-то не было нужды спешить от торговца к торговцу, чтобы пополнить домашние кладовые свежей рыбой, фидами и козым сыром.

– И о философии, – подтвердила Ниса. – Говорили только о женщинах, причем – не о женах. И еще там, с ними, какой-то варвар, не знающий наших обычаев.

– Да, Дракон упоминал, что пригласил на сегодняшний симпосий²⁹ какого-то торговца лесом. Откуда-то с севера, почти с самого края света. А говорил ли мой супруг, – тут голос хозяйки зазвучал много резче, – о женщине, на коей не женат?

²⁸ Стоя – портик, крытая колоннада, общественная постройка, служившая в Древней Греции местом прогулок.

²⁹ Симпосий – в Древней Греции – званый пир, на котором не столько пили, сколько развлекались дружескими беседами и философскими спорами, слушали музыку и т. п.

– Нет, не говорил. Это все Аристид.

– Аристид...

От этого слова повеяло холодом даже в жарком ночном воздухе женских покоев. А Ниса и не знала, что хозяйка тоже не любит ближайшего друга мужа...

Внутренний двор содрогнулся от громового хохота. Евдокия приоткрыла дверь, вновь впустив внутрь свет, свежий воздух и голоса, и женщины притихли. Мужчины все глубже и глубже тонули в вине, их шутки становились все громче и все грубее.

Ниса снова взялась за веретено. В каждый комочек шерсти, свиваемой в нить, вкладывала она молитву Гермесу, богу торговцев, воров и путников. «Помоги мне, – молила она. – О, быстроногий Гермес, заступник и душеводитель, провожающий тени умерших к последнему приюту, уведи меня из той жизни, какой я живу сейчас! Помоги мне украсть, похитить у хозяина саму себя!»

В доме, где Ниса родилась и жила, пока первая хозяйка не продала ее, разлучив с матерью, была у Нисы сестра по имени Кора, десятью годами старше нее. Сестра танцевала перед мужчинами, собиравшимися за ужином по вечерам. При виде Кору, упражняющейся в танцах, сердце Нисы трепетало от восторга, а во рту появлялся странный, сладкий, и в то же время горьковатый вкус: Кора была слишком близка к совершенству. Больше, чем рабыней. Живым воплощени-

ем красоты.

Один из гостей хозяина увидел Кору и возжелал ее. Нисе тогда было лет пять или шесть. Она не знала, какие там велись переговоры. Знала только, что спустя некоторое время сестра сделалась слишком больна для танцев; живот ее вырос большим-большим: вскоре ей предстояло родить на свет ребенка. Этот-то ребенок ее и погубил. Мать не хотела пускать Нису к покойной, но не попрощаться с сестрой она не могла и в комнату, где лежало тело Кору, в конце концов прорвалась. И увидела всю эту кровь.

Младенец остался жив, но хозяину он был не нужен. Кормилиц в доме в то время не имелось, утруждаться наймом кого-либо со стороны хозяин не захотел и потому унес ребенка за ворота, на склон холма, где обычно оставляли умирать нежеланных детей.

В ту ночь Ниса никак не могла заснуть. Стоило закрыть глаза – в ушах начинали звучать крики сестры. Наконец она поднялась, прокралась к алтарю на внутреннем дворе, кольнула палец кривым ножом и капнула кровью в пепел дневных жертв, моля Артемиду о том, чтобы остаться бездетной девой до конца своей жизни.

Молила, однако в душе не верила, что богиня откликнется на ее просьбы. Кто слушает мольбы рабов?

На следующее утро, еще до того, как солнце выглянуло из-за гребней восточных холмов, Ниса и Евдокия отправи-

лись с кувшинами для воды к общественному фонтану. Нисе больше всего нравилась горловина в виде головы льва, но Евдокия предпочитала ослиную голову. Из львиной головы вода текла медленнее, и это давало Нисе больше времени на разговоры с другими рабами и проживающими в городе иноземцами, сошедшимися к фонтану по тому же делу.

С Лирис Ниса подружилась еще в том, прежнем доме. Рабыни старше нее она в жизни не встречала, однако Лирис ходила по воду до сих пор – даром, что спина сгорблена, зубы и волосы выпали, а узловатые пальцы не гнутся от старости. Вот и в это утро она оказалась здесь, впереди Нисы в очереди к львиной голове. Увидев Нису, Лирис покинула свое место и встала с ней, в самом конце.

– Ниса! Как поживаешь? – спросила она.

Женщины, стоявшие впереди, сплетничали о хозяине, купившем так много овец, что не смог за них расплатиться, и о другом, чья жена подкупила раба, чтобы тот тайком провел к ней мужчину, пока муж на рынке, и, любясь с ним, стонала да вопила куда громче, чем на мужнином ложе.

– Орала во весь голос, будто чайка, – рассказывала одна женщина другой.

– Неплохо, – ответила Ниса Лирис. – Хозяйка ко мне добра. Еда хороша, и кормят досыта.

– Да, обычный ответ, но сегодня твои глаза говорят что-то иное, – заметила Лирис.

Обе продвинулись вперед. Остывшая за ночь земля холо-

дила босые ноги. Над внутренними дворами, среди розоватых черепичных крыш, окружавших фонтан со всех сторон, поднимался к светлевшему небу дым жертвенников: горожане начинали новый день с поклонения богам. Много жертв. Боги будут довольны.

– Я всю жизнь надеялась выучиться ремеслам, – негромко пробормотала Ниса.

Лирис кивнула. Ее голова, укрытая покрывалом, едва доставала Нисе до плеча.

– Я играю на флейте. Не так прекрасно, как гетера Калонике, но знаю, что еще научусь. Я могла бы радовать людей. Могла бы играть на праздниках.

– Это верно, – согласилась Лирис, подтолкнув Нису вперед.

Ниса взглянула на соседнюю очередь. Евдокия, покачивая поставленным на голову пустым кувшином, разговаривала со своей подругой из соседнего дома.

– Хозяйка позволяет мне сидеть рядом и прясть, когда учит Пантею читать и писать, и грамоту я знаю тоже. Я могла бы стать писцом или вестницей.

– Однако поспеши: время на исходе, – сказала Лирис.

И верно: в очереди впереди оставалось всего две женщины.

– А вот публичной девкой мне не хотелось стать никогда, но, боюсь, ее-то хозяин из меня и сделает, – поспешно прошептала Ниса.

– Бывают на свете вещи и похуже, – сказала Лирис.

Ниса потрясенно уставилась ей в глаза.

– Битье – вот это хуже. А если бьют без всякого повода – еще хуже того. Скверное это дело – принадлежать тому, кто любит причинять боль. Конечно, быть публичной девкой радости мало, особенно по первости, но эта работа частенько кончается быстро, а порой, вдобавок к тому, что платят хозяину, и тебе перепадет монетка или какой иной подарок.

Ниса открыла было рот, но не смогла выговорить ни слова. В прежнем ее хозяйстве Лирис слыла лучшей пряхой и лучшей ткачихой. Могла ткать по кайме узоры, даже не глядя на чертежи. Нисе всегда казалось, что Лирис пряла и ткала всю жизнь.

Видя ее изумление, Лирис насмешливо улыбнулась.

– Может, тебе и не верится, но когда-то я тоже была молода и недурна собой.

– Боюсь я, – призналась Ниса. – Никак не могу забыть, что случилось с сестрой.

Лирис поставила кувшин на каменную ступень под головой льва. Струйка воды из львиной пасти зазвенела о глиняное донце.

– Что до этого, ежели краски не придут в свой срок, скажи мне, и я помогу избавиться от младенца прежде, чем он успеет тебе повредить. Я знаю все нужные травы и с порцией не ошибусь.

– Не хочу я такой судьбы.

– Если уж это судьба, от судьбы не уйдешь.

Обе умолкли, слушая журчанье воды, наполнявшей кувшин Лирис. Поразмыслив, Лирис запустила руку в кошель, подвешенный к поясу, и что-то извлекла из него.

– Но, может статься, это еще не судьба, – сказала она, подмигнув Нисе и вложив ей в руку небольшой твердый предмет.

Поспешно зажав подарок в кулаке, Ниса спрятала руку под плащ, пока никто вокруг ничего не заметил, наполнила свой кувшин, распрощалась с Лирис и подошла к Евдокии.

По дороге к дому Евдокия спросила, что дала Нисе Лирис, но подарок уже был надежно спрятан.

– Даже не знаю, – ответила Ниса. – Не успела разглядеть, как обронила.

Ну да, обронила. В кошелек на поясе.

– И чем тебе только так нравится эта старуха? – проворчала Евдокия. – Она – точно ворона, полным-полна дурных вестей.

– Просто она – из моего бывшего дома, – объяснила Ниса.

– Вот оно как...

Евдокия направилась в дом, перелить воду из кувшина в одну из гидрий – огромных глиняных сосудов, из которых брали воду весь день. Ниса же задержалась перед гермой, каменным стражем ворот, ведущих во двор дома. В этом виде страж обладал лишь обрамленным бородой лицом с благодушной улыбкой на губах да гениталиями, все остальное бо-

гу заменял простой четырехгранный столб. Положив к подножию гермы уголок медовой коврижки, Ниса склонила голову и вошла внутрь.

Прежде, чем отправиться в кухню, к Евдокии, она остановилась у стены под галереей – так, чтоб хозяйка из женских покоев наверху не увидела – и вынула из кошелька то, что дала ей Лирис. Подарок оказался маленьким, не больше ногтя большого пальца, кирпичиком, спрессованным из чего-то непонятного. Ниса понюхала его. Нет, съестным не пахло; от сильного аромата, ударившего в нос, даже голова закружилась. «Наверное, благовония, – решила Ниса, – только какому же богу или богине поднести это в жертву? Наверное, тут нужно выбирать самой». Упрятав благовония в кошелек, она отнесла кувшин в кухню, опорожнила его и вновь отправилась к общественному фонтану.

* * *

– Случалось ли, госпожа, чтоб боги откликались на твои молитвы? – спросила Ниса хозяйку после полудня, когда настала такая жара, что все женщины устроились отдыхать на женской половине, а некоторые даже решили вздремнуть.

Подстилка Нисы лежала на полу подле хозяйкина ложа. Похоже, все остальные рабыни успели заснуть: от них давненько не было слышно ни слова. Солнце палило так жаростно, что ставни на окнах пришлось закрыть. Ни ламп, ни све-

чей не зажигали.

В скором времени Нисе предстояло встать, спуститься в кухню и начать молоть муку для завтрашних хлебов, но пока что она вполне могла передохнуть.

– Я родила прекрасного сына, – ответила хозяйка.

Ее мальчик, десятилетний Диомед, весь день учился в школе, а вечера проводил с отцом. Один из домашних рабов, рослый бородач по имени Телест, состоял при Диомеде педагогом – присматривал за мальчиком, провожал его в школу, следил за тем, чтобы тот слушал учителей. Телест был человеком образованным, военнопленным, изувеченным в бою, но не добитым, а проданным в рабство. Порой он учил Диомеда и сам.

– Я родила прекрасного сына – выходит, одна из моих молитв не осталась без ответа, – продолжала хозяйка. – Молилась и о втором, но в ответ на это боги послали мне мертворожденного.

В послеполуденном мраке кто-то застонал. Возможно, во сне, возможно, вспомнив о чем-то – этого Ниса не знала.

Когда она пришла в этот дом, хозяйка как раз оправлялась после смерти второго сына. Какой необузданной, бешеной стала она после того, как болезнь, приковавшая ее к постели, прошла! Горячка-то ее отпустила, но безумие никак не унималось. Она дала ребенку имя, хотя тот не прожил на свете и часа, не говоря уж о десяти днях, которые полагается прожить ребенку, прежде чем удостоится имени. В знак траура

остригла волосы. Добровольно отдалась в рабство собственной скорби. Все, что могли сделать четыре домашних рабыни – не выпускать ее из женских покоев, и, опасаясь, что ее стенания будут слышны на улице, Евдокия наглухо затянула все окна нестриженными овчинами. Внутри стало не продохнуть. Наконец Евдокия, с позволения хозяина, напоила хозяйку маковым отваром, и та погрузилась в глубокий сон.

Только после этого рабыням удалось отдохнуть, а после лечения сном и множества сновидений хозяйка вернулась в разум. Тогда Евдокия напомнила ей, что Диомед, ее живой и здоровый сын, слишком мал, происходящего не понимает и очень напуган безумием матери. Все это время его укрывала в отдельной комнате вторая по старшинству из рабынь. После этого хозяйка мало-помалу пошла на поправку. Через три месяца она вновь смогла обнять Диомеда, а затем хозяин вновь излил в нее семя, и ее чрево отяжелело, округлилось в третий раз.

Через девять месяцев сплошных кошмаров, ночей, исполненных тревожных шепотов и криков, хозяйка родила на свет Пантею – крепкую, здоровую девочку. Заботы о дочери помогли ей окончательно подняться из бездны скорби и стать самой собой – совсем не такой, какой увидела ее Ниса при первом знакомстве.

И вот теперь, в послеполуденном мраке, ее дурацкий вопрос вновь пробудил в хозяйке ту самую женщину, пленницу скорби и страха.

– В твои годы, в четырнадцать, – задумчиво продолжала хозяйка, – когда пришла пора выходить замуж, я много раз молила Геру, чтоб будущий муж оказался хорош собой. Дракона я впервые увидела только на свадьбе. Ночью, во время свадебного шествия, при свете факелов он был просто прекрасен: фигурой – атлет, лицом – что твой Адонис. И на следующее утро, при свете дня, его внешность не разочаровала меня, хотя то, что он творил со мной в темноте, на брачном ложе, пугало и боли причинило немало. Что ж, молитвы мои сбылись. А что за человек скрывался под прекрасной внешностью... ну, можно сказать, Дракон не так плох, как другие. Например, муженек моей сестры.

Нисе не раз доводилось сопровождать хозяйку в гости к сестре. Из всех женщин, которых она навещала, общаться с сестрой ей хотелось меньше всего. Хозяйство сестры с мужем было невелико – всего-то двое рабов. В доме царил неуют, отвратительно воняло помоями, повсюду жужжали мухи. На женской половине было темно и тесно. Сестра хозяйки зажигала всего одну лампу и садилась от нее подальше, сама укрываясь в тени, а наслаждаться светом предоставляла гостям.

Стоило хозяйке заговорить с сестрой, Ниса тут же улавливала в шепоте ее сестры дрожь, тихое оханье – казалось, любое движение причиняет ей боль. Так звучит голос той, кого бьют. На лицах домашних рабов тоже имелись следы побоев и дурного обращения. Рука кухарки некогда была сло-

мана и скверно залечена, подаваемые хозяйкой гостям коврижки всякий раз оказывались совсем тонкими и без меда, а все истории, которыми обменивались сестры – неизменно грустными.

– А ведь она была моей любимой сестрой. Той, что всегда танцевала и постоянно смеялась... – сказала хозяйка по дороге домой после одного из подобных визитов.

Теперь же она вздохнула и продолжала:

– Одним словом, я думаю, боги услышали мои молитвы и отнеслись ко мне благосклонно. Не все молитвы, конечно, но самые важные – да. Благодарение всем богам и богиням, что меня слышат.

– Спасибо тебе за рассказ, госпожа, – пробормотала Ниса.

На следующий вечер Аристид вновь явился к ужину и привел с собой юношу по имени Пелагий, компаньона, нередко приходившего в гости вместе с ним. Прежде юноша был безбород, но теперь его подбородок и верхнюю губу украшал темный пушок.

Подглядывая за ними с галереи наверху, Ниса увидела, как Пелагий положил руку на плечо Аристида, но тот передернулся и отстранился.

За ужином троице мужчин прислуживал только Киприос, а Пелагий ушел совсем рано. Разговаривали так тихо, что Нисе не удалось разобрать ни слова, хотя с позволения хозяйки она провела на галерее над входом в мужские покои весь вечер. Аристид засиделся до тех пор, пока в небе не за-

сиял серп луны, и ушел на сильно заплетавшихся ногах.

Наутро, когда Ниса работала в кухне, растирая на плоском камне зерно в муку, Киприос остановился рядом и негромко сказал:

– Они сговорились о цене. Завтра вечером Аристид получит тебя.

Ниса вцепилась в жернов, будто в единственную осязаемую вещь на свете.

– Спасибо, – прошептала она.

С другими рабами Киприос не разговаривал почти никогда. Любимец хозяина, он пользовался куда большей свободой и иногда уходил по хозяйским поручениям на целую ночь. Мало этого, у него водились собственные деньги. Странно, отчего это он вдруг заговорил с ней?

– Он купил меня навсегда, или только попользоваться?

– На одну ночь, – ответил Киприос.

Приняв равнодушный вид, он подошел к кухарке, вынимавшей из глиняной печи горячие лепешки. Та шлепнула его по руке, протянутой за лепешкой, но Киприос тут же схватил другую и прежде, чем кухарка успела ему помешать, со смехом выскочил за дверь, перебрасывая горячий хлеб с ладони на ладонь.

Ниса ссыпала смолотое зерно в сито и принялась просеивать его над чашей, отделяя муку от отрубей. Работала механически, не задумываясь: все это она проделывала столько раз, что думать не было нужды. Мысли мелькали в голове,

сливаясь в беспорядочный, буйный хоровод.

Завтра она будет принадлежать ему, этой мерзкой жабе с твердыми, точно клещи, пальцами и вечно мокрыми ладонями. Если такова судьба, делать нечего – остается только повиноваться. Подобные вещи случаются каждый день, а мир остается прежним.

Отодвинув чашу с мукой, она вытряхнула отруби в корзину и высыпала на камень новую порцию зерна. Значит, если такова судьба... но, может быть, это еще не судьба? Крохотный кирпичик благовоний, подарок Лирис, ждал своего часа в кошельке у бедра. Сегодня ночью, когда все улягутся спать, она сожжет его.

В этот вечер хозяин отправился на симпозиум к кому-то еще, так что хозяйка свободно смогла предаться музыке и играм. Ниса заиграла на парной флейте, пытаясь воспроизвести мелодии, что играла мужчинам Калонике. Однако некоторые фразы успели забыться, и вскоре ее заминки да запинки надоели остальным. Ее попросили перейти на гимны и лирические песни, и Ниса заиграла то, что было известно всем. Набравшись храбрости, хозяйка велела Мегаклесу принести наверх доску для игры, поставить ее на галерею и показать женщинам, как двигать фигуры. Тот был возмущен, но, в конце концов, уступил, поддавшись ее подначкам пополам с упреками. Вот только он много раз видел, как играют в эту игру, но никогда прежде не играл в нее сам, и все начали

учиться двигать фигуры вместе, причем хозяйка проявила недюжинную смекалку в пленении солдат соперника.

Наблюдая за этим, Ниса веселилась вместе со всеми. Вечер выдался на редкость приятным. Прошло немало времени, пока хозяйка не утомилась и не отправила всех спать, но, наконец, этот момент настал. Улегшись вместе с остальными, Ниса дождалась, пока отовсюду не зазвучит мерное посапывание спящих, поднялась, оделась, крадучись вышла из комнаты и спустилась вниз.

На кухне спала кухарка. Под ее раскатистый храп собственные шаги казались совершенно беззвучными. Ниса сняла с посудной полки маленький горшочек, бросила в него добытый из печи тлеющий уголек, прихватила один из небольших ножей, наполнила чашу вином пополам с водой и направилась за ворота.

В столь поздний ночной час ворота всех окрестных домов были заперты, большая часть факелов – погашена; ни пения, ни смеха не слышалось даже от соседей напротив, хотя обычно на их дворе факелы гасли гораздо позже, чем у всех остальных, и их рабы вставали по утрам необычайно поздно. Вдали, в нескольких кварталах от Нисы, невнятно перекликались меж собой несколько перепивших гуляк, а еще дальше ночной патрульный строго отчитывал кого-то за какую-то провинность.

Ниса опустилась на колени перед домашней гермой у входа во двор. Каменный страж ворот чернел на фоне беленой

стены, лицо его было скрыто ночной темнотой. Где-то в городе визгливо затывкала маленькая собачонка.

– О, владыка Гермес, заступник и провожатый, победитель всевидящего Аргуса, что был приставлен стеречь деву в обличье коровы! О, ты, спаситель отчаявшихся, провожающий мертвых в иную жизнь, покровитель воров и торговцев, о, ты, охранитель дорог и границ, прими от меня этот дар!

Подняв повыше чашу с вином, она вылила ее содержимое у подножия гермы.

– Прими и эти благовонные курения.

Вынув из кошелька кирпичик, подаренный Лирис, Ниса опустила его в горшочек рядом с тлеющим угольком и легонько дунула, дабы взбодрить огонь. Запах заструившегося из горшочка дыма оказался силен и необычен: в нос ударила волна ароматов цветов, темного леса и терпкого звериного мускуса. Оставалось только надеяться, что Гермесу понравится: насчет себя самой Ниса была не уверена. Дым повалил гуще – так, что закружилась голова. Чиркнув ножом по ладони, Ниса склонилась сквозь дым вперед и протянула руку к подножию гермы.

– Я не могу предложить тебе белого жертвенного животного без единого пятнышка. Все, что у меня есть – частица меня самой. Прими же в жертву и мою кровь, – прошептала она, стряхнув капельки крови на землю.

Склонившись перед гермой, она почувствовала себя крайне нелепо. Ночь холодна, луна скрылась, в прорехах среди

туч мерцают звезды, а она – здесь, босиком на холодной земле, недалеко от того самого места, куда с утра кто-то выплеснул помои, стоит на коленях перед статуей, хотя ей давным-давно пора спать. Ниса чихнула: казалось, дым щекочет голову изнутри. Если бы боги прислушивались к молитвам рабов, разве все рабы не сделались бы свободными? Ниса покачнулась. От дыма ей сделалось худо.

– Чего же ты хочешь, малышка? – раздался рядом беззаботный мужской голос, соленый, как морской бриз.

Ее увидели? Кто же это? Сможет ли он узнать ее и донести о ее самовольстве хозяину? Ниса хотела было встать, но ноги подвели. Осев наземь, она огляделась, но на улице не было видно ни движения.

– Что с тобой, малышка?

Сверху упала тень. Темный силуэт навис над головой, заслонив собой пляшущие звезды.

– Владыка? – прошептала Ниса.

– Спасибо за дары, – сказал тот. – О чем ты просишь?

Неужели... бог?

Не смея проронить ни слова, Ниса качнулась вперед, опустилась на колени и припала лбом к земле у его ног. Волосы взъерошил ветерок, холодный, словно дыхание глубокой пещеры.

– Говори же, – прошептал тот, кто стоял над ней.

– Мне нужна новая дорога, – сказала она, не поднимая лица от пыльной земли. – Прошу тебя, о, Благодетельный,

укажи путь, ведущий в другом направлении. Не хочется мне идти тем путем, которым я следую сейчас.

– Но если я направлю твои стопы на новый путь, последуешь ли ты всюду, куда он ни поведет?

Спину обдало холодком, руки и затылок покрылись гусиной кожей. Недаром ведь сказано: богов не тревожь – сам тревог наживешь...

Однако ее купил Аристид, а отвратительнее него – еще поискать. Любой путь, что уведет Нису от такой судьбы, наверняка лучше.

– Да.

– Будешь ли ты рада перемене?

– Да, – прошептала Ниса, все так же глядя в землю.

– Подними взгляд.

Ниса выпрямила спину, подняла голову и взглянула на темный силуэт. Бог поднял керикион – крылатый жезл вестника, обвитый змеями, и ударил им Нису в лоб. Удар был так силен, что девочка рухнула наземь. Лоб обожгло, как огнем, в голове закопошились змеи.

Открыв глаза, Ниса увидела над собой утреннее небо и склонившуюся на ней у подножия гермы Евдокию с ковшиком в руке. Мокрое лицо, шея и волосы мерзли. За спиной Евдокии стояли Киприос с Мегаклесом. Ниса повернула голову. Взятый с кухни горшочек лежал на боку, его содержимое рассыпалось по земле. Благовонное курение, подарен-

ное Лирис, прогорело, превратившись в хлопья серого пепла, а Нисину кровь и вино пополам с водой, принесенные в дар Гермесу, до капли впитала истомленная жаждой земля. Может, эта встреча во тьме ей всего лишь приснилась?

– Что с тобой? – спросила Евдокия.

Ниса хотела ответить, но жар закупорил горло. Перед глазами мелькнула тень, в мыслях словно бы что-то сдвинулось. Губы дрогнули, зашевелились сами собой:

– Небо пеняет крыше, завидуя твердой кровле.

– Что? – удивленно переспросил Мегаклес.

– Держись середины дороги, – продолжала Ниса, садясь и отодвигаясь назад, к середине улицы.

– Ниса, ты в своем уме? – спросила Евдокия.

Трах! О землю со звоном разбилась соскользнувшая с крыши плитка черепицы. Осколки брызнули во все стороны, и один из них угодил Киприосу прямо в лицо. По щеке молодого раба заструилась кровь.

Евдокия ахнула. Мегаклес отступил назад и поднял взгляд на крышу. Киприос, прижав ладонь к раненой щеке, опустился на корточки рядом с Нисой. Его светло-серые глаза горели от возбуждения.

– Ты знала об этом загодя, – сказал он. – Ты знала, что это случится. Что за отметина у тебя на лбу?

Ниса коснулась виска и нащупала горячую, вспухшую кожу. «На что же это похоже?» – подумала она, проведя пальцами вдоль края отметины, и открыла было рот, чтобы ска-

зять, что эту метку оставил бог, но в глазах вновь потемнело, а с языка само собой сорвалось:

– Время удара может тянуться, а может и в складки собираться.

– Да она не в себе, – сказала Евдокия. – Отведем-ка ее внутрь. Может, еще воды – и опомнится.

Киприос помог Нисе подняться на ноги, обнял ее за талию и повел сквозь ворота во двор.

Хозяин стоял перед домашним алтарем, подкладывая лучинки в огонь жертвенника, и пел гимн. При виде вошедших он сделал паузу, высыпал в пламя пригоршню зерна, воздел руки к небу и громко пропел последнюю строку. Утреннее моление завершилось.

– Что это? Что тут такое? Что еще стряслось? – спросил хозяин, двинувшись им навстречу.

– Мы нашли ее на улице, без чувств, господин, – ответил Киприос. – Ни оклики, ни пощечина не заставили ее очнуться. Пришлось Евдокии облить ее водой.

– Так-так, красавица, и что же ты замышляла? Зачем вышла за ворота ни свет ни заря? И что за пакость у тебя на лице?

– Что не содеяно было, обернется противоположным, – сказала Ниса.

– Ка-ак?!

Лицо хозяина побагровело от гнева.

– Господин, она обезумела, – пояснила Евдокия.

– Возможно, порка вернет ей разум, – решил хозяин. – Пять плетей. Займись, Мегаклес.

Слова хлынули с губ Нисы помимо ее собственной воли.

– Что не содеяно было, обернется противоположным, что свершено же – вернется к тебе многократно.

– Десять плетей! – рявкнул хозяин. – Только гляди, аккуратнее. Красоты ее не повреди. Сегодня вечером ей применение найдется.

– Господин, – вмешался Киприос.

Хозяин затрясся от ярости и стиснул кулаки.

– Что еще? – тихо, с угрожающим спокойствием в голосе спросил он.

– Прости мой дерзкий язык, – отвечал Киприос, – но мы нашли Нису у подножия гермы. Я думаю... Может статься, она отмечена богом.

– С чего это ты взял?

– Она изрекла пророчество, и оно тут же сбылось.

Хозяин перевел гневный взгляд на Нису.

– Ах, вот как? Тогда попророчествуй и для меня. Исцелит ли порка твой недуг?

– Недеяние будет мудрее и принесет лучший урожай, – откликнулась Ниса, не в силах совладать с собой. Лучше бы ей молчать, чем говорить хозяину такие вещи! Увы, все слова, слетавшие с языка, словно бы принадлежали кому-то другому, и остановиться, умолкнуть, никак не удавалось. – Кто сеет побои, тот пожинает беду.

– Мегаклес, неси плеть, – велел хозяин.

Мегаклес, волоча ноги, сделал три шага к кладовой, где висела плеть.

– Муж мой, – раздался сверху, с тенистой галереи, голос хозяйки.

– Жена?

Ответ хозяина прозвучал, словно удар кулаком.

– Ты забыл принести в жертву вино.

– Что?!

Хозяин повернулся к алтарю. В жертвеннике все так же пылал огонь, превращая в угли зерно, предназначенное богам. Тогда он оглянулся за спину, где, рядом с корзиной зерна, стоял пустой сосуд для жертвенного вина.

– Киприос!!! – заорал хозяин.

– Прости, господин, – сказал Киприос. – Я как раз собирался принести тебе кувшин, но тут Евдокия позвала меня со двора.

– Неси кувшин немедленно! А за то, что испортил утреннее жертвоприношение и нанес оскорбление богам, получишь пять плетей.

Киприос покорно склонил голову и побежал на кухню, оставив Нису стоять на подгибающихся ногах. Пришлось ей подвинуться вбок и прислониться к стене.

Хозяин начал утренний гимн заново. Киприос, выбежавший из кухни с кувшином вина, споткнулся по пути, и в тот самый миг, когда хозяину следовало совершить винное при-

ношение, вино выплеснулось из кувшина, дождем окатив и алтарь, и жертвенник, и хозяина. От ярости хозяин побагровел, как свекла, но молитвы не прервал. К тому времени, как гимн подошел к концу, его голос зазвучал спокойнее и тише, а лицо приобрело обычный, нормальный цвет. Свежие винные кляксы разукрасили его хитон, точно пятна – леопардову шкуру. Пропев последнюю строку, он опустил руки и успокоился окончательно.

Слушая утреннюю молитву, успокоилась и Ниса. Но как же теперь быть? Ни одно из сказанных слов не принадлежало ей. Должно быть, они были посланы кем-то другим. Богом. Гермесом. Так вот каков указанный им новый путь? Она дала слово следовать этому пути, куда бы он ни повел. А что, если он приведет ее под плеть, а затем – прямиком на ложе Аристида, туда же, куда вел и прежний? Нет, вряд ли. Ведь бог ответил на ее молитву. Судьба переменилась, как она и просила. Остается одно: идти, куда суждено.

Во дворе воцарилась тишина. Хозяин обвел взглядом всех – Мегаклеса, из уважения к ритуалу остановившегося на полпути к кладовой, где хранилась плеть, и сгорбившуюся у ворот Евдокию, и Нису, поспешно откачнувшуюся от стены, и Киприоса, так и оставшегося, опустив голову, стоять на коленях там, где споткнулся. Странное дело: кувшин каким-то чудом уцелел.

Хозяин громко захохотал.

– Забудьте про плети, – сказал он. – «Что не содеяно бы-

ло...» Ха! Похоже, сегодня и прямо здесь праха земного коснулись крылья богов. Что ж, Ниса, пророчествуй дальше. Скажи, что мне теперь с тобой делать?

– Отрезать язык и принести его в дар богам.

Сказав это, Ниса в ужасе прикрыла ладонями рот. «Нет, – подумалось ей, – нет. Неужто таков будет ответ на мою молитву? Неужто я останусь без языка? И буду страдать до конца дней, не в силах даже произнести еще одной молитвы? О, ты, кто бы ни подсказал мне эти слова, зачем же ты это сделал?»

Хозяин вздохнул.

– И что свершено, вернется ко мне многократно? В каком, интересно, виде? Ладно. Надеюсь, боги будут щедры ко мне, если пожертвовать им хорошую рабыню. Собирай, Ниса, вещи – все, что понадобится тебе в храме Аполлона. Если уж пророчишь будущее, этот бог – как раз для тебя.

Хозяйка помогла Нисе уложить в корзину ее запасное одеяние, добавила к этому веретено, парную флейту и чашу-килик с двумя ручками, а еще подарила маленький горшочек духов, украшенный изображением одного из богов ветра. То были любимые духи хозяйки, слишком пряные и ароматные для рабынь.

– Я буду скучать по тебе, Ниса, – тихо сказала хозяйка.

«И я по тебе», – подумала Ниса, но вымолвить этого не смогла, а только коснулась горла. Ей очень хотелось сказать,

как она благодарна хозяйке за ее доброту, но ни слов, ни голоса не было.

Хозяйка взяла Нису за руку и приложила ее ладонь к своему животу.

– Скажи, если можешь: рожу ли я мужу еще одного сына?

Пальцы и горло обдало жаром, взор заслонила тьма. Ахнув, Ниса отдернула руку и протерла глаза, словно стирая из виду образ хозяйкина будущего.

– Два сына, растущие вместе, погубят мать, – прошептала она.

Хозяйка на миг замерла. Ни слова более не говоря, она подала Нисе корзину и ушла к себе.

Понуриив голову, уткнувшись взглядом в землю, Ниса спустилась вниз и подошла к воротам. Наверное, отвечать на вопросы чужих людей будет легче. Только бы эта надежда сбылась!

Приведя Нису в храм Аполлона Дельфиния, хозяин обратился к троим жрецам:

– Она отмечена богом и теперь говорит пророчествами. Она сказала, что мне следует принести ее в дар богам.

– Рабыню? Почти ребенка? – с сомнением сказал младший из жрецов. – Наши оракулы – старухи, вышедшие из детородного возраста, да к тому же жены видных граждан. Ты уверен?

– Как я могу не уважить волю богов? – ответил хозяин.

– Уверен ли ты, что она не дурачит тебя?

Склонив голову набок, хозяин пристально взглянул на Нису. Та еще крепче прижала к груди корзину со своими пожитками и устремила взгляд на красочную мозаику, украшавшую пол храма. В этом храме она еще не бывала. Аполлон – бог врачевания, музыки, мора, правосудия и прорицаний, бог, наказующий тех, кто преступает закон, бог света... Она же, Ниса, провела большую часть жизни во мраке женских покоев и даже не припоминала, чтобы молила Аполлона хоть о чем-нибудь. И на ее молитвы ответил не кто иной, как Гермес. Отчего же она оказалась здесь, в храме Аполлона?

– Она предсказала две вещи, которые тут же сбылись. Скажи, Ниса, здесь ли твое место? – спросил хозяин.

Взор заслонила тень, губы сами собой зашевелились и выговорили:

– Неудобный дар превратится из камня в кинжал в ножах.

– Этого я не понимаю, – сказал хозяин, – но теперь мне и понимать ни к чему. Я оставляю ее вам. Да будет судьба к тебе благосклонна, – добавил он, коснувшись плеча Нисы, поклонился жрецам и ушел.

– Предреки свое будущее, – велел старший из жрецов.

– Я следую своим словам, – ответили губы Нисы.

За этим вопросом последовали новые, но других ответов жрецы не добились, пока самый младший из них не спросил:

– Умеешь ли ты молоть зерно? Умеешь ли печь хлебы?
Умеешь ли штопать одежду?

Ниса с улыбкой кивнула, хотя язык ее ответил:

– Огонь не льется дождем, а вода огнем не горит.

– У огня нет рук, а у тебя есть, – заметил старший жрец. –
Мы подыщем тебе подходящую работу.

После этого младший из жрецов повел ее в следующую дверь – туда, где обитали сивиллы, когда не пророчествовали. Три древних старухи делили между собой комнату наверху, охраняемую рабом-персом. В нижних комнатах ночевали жрецы и жрицы, если были заняты в храме настолько, что не стоило и трудиться уходить ночевать домой. По хозяйству в храме управлялись две домашних рабыни – кухарка и горничная. Жрец представил им новенькую:

– Это Ниса, до сего дня – рабыня в довольно большом хозяйстве, – сказал он. – Ее подарили храму, и жить она будет с вами.

Рабыни с радостью приветствовали Нису, однако она молчала, и вскоре улыбки на их лицах сменились недоумением.

– Что с тобой? Тебе плохо? – спросила Меланфа, кухарка. Перед глазами Нисы мелькнула тень.

– Реки зерна текут вниз, во тьму.

Кухарка неуверенно оглянулась на жреца.

– Господин?..

– Возможно, она отмечена дланью бога, а может, невелика

умом, а может, и то и другое, — пояснил жрец. — Оставляю ее вам.

С этим жрец ушел.

— Прекрасно, — проворчала кухарка.

Подведя Нису к каменному столу, она вручила ей камень для помола муки, сняла крышку с большого кувшина и запустила в него глиняный черпак.

— Странно, — заметила она, удивленно глядя на полупустой черпак, прежде чем высыпать зерно на стол перед Нисой.

Поразмыслив, кухарка заглянула в кувшин и приподняла его. Из трещины в донце потекла струйка зерна — прямо в мышиную норку у основания стены.

— Во имя всех...

Ниса опустила взгляд и принялась растирать зерно в муку.

К концу дня Меланфа решила, что Нисе следует спать среди сивилл, а не в комнатухе при кухне, отведенной кухарке с горничной. Вместе с горничной, Тессой, она представила Нису старухам-сивиллам и постелила для нее тюфяк на полу их комнаты.

Вопросы, переполнявшие голову Нисы, никак не желали выходить наружу. Усталая, она улеглась на тюфяк и накрылась запасными одеждами.

Проснувшись она в полной темноте. Комната казалась непривычно просторной и явственно пахла благовониями.

Со всех сторон доносилось дыхание спящих, но Ниса не слышала ни знакомого прерывистого храпа Евдокии, ни вздохов других рабынь, ни посапывания хозяйки с дочерью.

Вдруг головы коснулась чья-то теплая ладонь. Отметина на лбу болезненно заняла.

– Эй, – прошептал мужской голос, – как тебе тут нравится?

Ниса вздрогнула, отпрянула прочь, но тут же узнала голос Гермеса.

– Не знаю, – ответила она и с удивлением коснулась горла: впервые с тех самых пор, как он ударил ее жезлом, ей удалось заговорить собственными словами. – А отчего я оказалась в храме Аполлона?

– Оттого, что у него есть место женщинам, предрекающим будущее, а мои жрецы просто не знали бы, что с тобой делать. Кроме того, мне нравится баловать его изысканными подарками. От этого он становится ко мне добрее и забывает прошлые обиды. Но помни: даже жизнь в храме брата ничуть не мешает приносить жертвы мне.

– Спасибо тебе, – сказала Ниса, едва не рассмеявшись от счастья. – Спасибо.

Подумать только: куда ее жизненный путь должен был привести этой ночью, и где она оказалась! Теперь впереди новый путь, ведущий в неведомые страны, прочь от всего того, что ее так пугало, прочь от всего, что она знала в прошлом!

За последние двадцать с лишком лет **Нина Кирики Хоффман** выпустила в свет ряд романов для взрослых и молодежи, детских книг и книг по мотивам фильмов и компьютерных игр, несколько авторских сборников и более двухсот пятидесяти рассказов. Ее произведения не раз попадали в финал «Небьюлы», Всемирной премии фэнтези, Мифопоэтической премии, премии Старджона, премии Филиппа К. Дика и премии «Индевор», а ее первый роман, *The Thread That Binds the Bones*, был удостоен премии Брэма Стокера.

В 2006 г. издательство «Викинг» выпустило ее роман *Spirits That Walk in Shadow*, адресованный молодым читателям, а издательство «Тахион» – ее научно-фантастическую повесть *Catalyst*.

Сейчас Нина работает редактором в «Мэгэзин оф фэнтези энд сайенс фикшн», преподает мастерство короткого рассказа в местном колледже и много общается с юными писателями. Живет она в Юджине, штат Орегон, в компании нескольких котов и кошек, манекена и множества странных игрушек.

Примечание автора

Трикстеров я боюсь. Они – сам хаос. Они переворачивают с ног на голову весь мир. Однако порой без этого не обойтись: твоя жизнь может попасть в скверную колею, и кто, как не трикстер, вытолкнет тебя из нее и направит к чему-то новому?

Да, трикстеров я опасаясь, но одним из моих любимых богов всегда был Гермес, и потому я очень обрадовалась, узнав от Эллен и Терри, что могу написать о нем. В инструкциях для этой антологии они писали, что предпочли бы избежать рассказов от первого лица, где действие происходит в современном мире, и я решила, разнообразия ради, написать что-нибудь глубоко историческое. И принялась исследовать Древнюю Грецию – ведь для Гермеса это самый естественный антураж. Жизнь древнегреческих женщин была полным-полна запретов: в некоторых отношениях даже рабы имели больше свободы. Поэтому жизнь женщин и рабов в Древней Греции вызвала у меня немалый интерес, а работа над этим рассказом предоставила шанс вникнуть в нее поподробнее.

Реальней тебя самого

Кристофер Барзак

30

Все, что ты, казалось бы, знаешь о мире – неправда. Ничего реального в мире нет, все вокруг – подделка и надувательство, и потому ты вынужден жить среди иллюзий. Таков конец этой истории, главная мысль, самая суть того, что я собираюсь сказать. Предупреждаю заранее, чтобы ты не рассчитывал на ненапряжный финал. И никакого смысла в этой грустной картине не будет. И человечества эта сказка ни в малейшей мере не оправдывает. Вот так. Теперь ты знаешь, во что обойдется билет, и можешь решать, вправду ли хочешь увидеть, что за занавесом.

Все еще здесь? Что ж, ладно. Должно быть, ты – из той самой породы. Из тех, кто не боится внутренних терзаний, или хотя бы желает поглядеть на внутренние терзания других, столкнувшихся с множеством жизненных противоречий. Хотя в этом нет ничего дурного, кто бы что ни говорил. Это всего лишь значит, что ты не боишься глядеть в лицо трудностям.

Зовут меня Элия Фултон. Случилось все это в Японии, в начале двадцать первого века, когда мне было шестнадцать и родители вынудили меня покинуть Америку. Если еще точнее, то в Ами, в пригородном поселке в часе езды от Токио, на тропе сквозь бамбуковый лес.

В тот день я, как обычно, вышел пробежаться, поскольку бег или велик были единственными способами хоть куда-то попасть. Водить машину в Японии можно только с восемнадцати, так что переезд снова сбросил счетчик всех тех лет, что я дожидался свободы передвижения, на ноль. Без машины я был обречен торчать в нашем крохотном домишке, в компании тринадцатилетней сестры и мамы, учившейся готовить японские блюда под руководством миссис Фудзиты, жены папиного босса. Пришлось мне бегать, чтоб хоть куда-то убраться от всего вокруг – от младшей сестры, от родителей, из Ами вообще. Если б мог, я бы и из Японии убежал. Вот только Япония, к сожалению, остров, так что застрял я там крепко.

Начиная бегать, я не знал, куда, или хоть в каком направлении какая дорога ведет, и потому, чтобы не заблудиться, попросту нарезал круги вокруг жилого комплекса по соседству с нашим домом. Но каждый день забегал чуточку дальше. К концу первой недели добрался до конца нашей улицы, а еще через несколько дней свернул на дорогу, что вела через гребень холма в заросли бамбука и сосен. Дорога долго, будто непрерывный сон, петляла сквозь лес, и вот однажды

я добежал до места, где она расходилась надвое. Один путь вел к опушке леса, за которой лежало капустное поле. Другой, простая утоптанная тропинка, уходил дальше в чащу.

Конечно же, пытаясь убежать от всего мира, я выбрал второй путь. Там, в серо-зеленой тени бамбуков, выводили причудливые мелодии цикады. Больше вокруг не слышно было ничего – только мой собственный топот да мерное дыхание. Эти звуки внушали покой и уют, как будто, застряв в стране, где мне ничуть не хотелось жить, я мог отыскать убежище в собственном теле – в самом себе.

Вдруг над головой зажужжала стрекоза – не меньше моей ладони. Кружит и кружит, мечется взад-вперед, но не улетает. Такой большой стрекозы я в жизни не видал и тут же вспомнил о сказочных феях и эльфах. Если на свете бывают стрекозы подобной величины, неудивительно, что люди когда-то верили в них. Хотя на самом-то деле люди готовы поверить во все, что угодно. Порой их даже убеждать не требуется.

Наверное, я в тот день был не в духе (как и в любой другой день с той самой минуты, когда мы впервые ступили на японскую землю), потому что в какой-то момент опустил взгляд и увидел, что тропинка кончилась. А когда посмотрел вперед, обнаружил, что стою на поляне, а впереди, в дальнем ее углу, притулился в тени маленький домик.

Крохотные ступеньки вели к крохотной дверце, запертой на ржавый замок, а на ступеньках в беспорядке лежали мо-

неты и шнуры, сплетенные из разноцветных ниток. Стоило малость оглядеться по сторонам, тут же подумалось: вот сейчас, в любой миг, замок сам собой отойдет, кто-то очень маленький распахнет дверь и выйдет на крыльцо... Не знаю, в чем тут причина. Может, в стрекоте и мыслях о феях с эльфами. Может, таким уж был общий настрой в тот день. Но нет, никто не вышел за порог и не спросил, что я здесь делаю. Вместо этого за домиком раздался шорох. Вздвигнув от изумления, я поднял взгляд и увидел рыжую собаку, вышедшую из-за деревьев.

Собака была не из крупных, с большими острыми ушами, острым носом и глазами, зелеными, как нефрит. По-моему, больше похожей на лису, чем на собаку. Причем не на настоящую лису, а будто сошедшую со страниц книги сказок. Густой, пушистый рыжий мех, белый «слонявчик» на груди... Подняла она нос, принюхалась и склонила голову набок, осматривая меня точно так же, как я осматривал домик.

Насмотревшись вдоволь, она двинулась вперед, обходя меня по кругу. Я замер: вдруг бросится? Лиса это, или собака – я вторгся на ее территорию, и вряд ли она будет этому рада. Но, видимо, лиса решила, что со мной все окей. Потеряв ко мне всякий интерес, она опустила голову и двинулась прочь. Я с облегчением перевел дух, но тут же снова сжался от страха: да, собака уходила, но шла-то она по той же тропе, по которой мне надо было возвращаться!

Поразмыслил я и решил пойти следом за ней, сзади. Во-

круг темнело, и мне не хотелось блуждать по бамбуковым зарослям ночью. В голову сами собой лезли мысли о том, какие еще создания могут явиться из леса, если проторчать на этой поляне до восхода луны.

Так я и пошел следом за собакой. Она трусила вперед, слегка поводя из стороны в сторону черным блестящим носом, только иногда останавливалась и оглядывалась. Всякий раз, как она это делала, в груди у меня слегка покалывало. Вдруг захотелось погладить ее, обнять за шею, прижать к себе, совсем как подружку там, в Штатах, пока не пришлось нам расстаться из-за моего отъезда. Казалось, эта лиса мне чуть ли не ближе, чем она.

И вот тут случилась удивительная штука. Оттого-то мне и пришло в голову, что наша встреча не случайна. Как только мы вышли из лесу, я подумал: «Она же ведет меня. Ведет обратно домой, не иначе!»

Правда, домой она меня не довела. То есть, не довела до самого порога. Когда мы добрались до перекрестка, который мне нужно было перейти, лиса остановилась, еще раз взглянула на меня зелеными глазами, сорвалась с места и помчалась в лес. Я немного постоял, глядя, как ловко она скользит среди стеблей бамбука, а после того, как ее рыжий хвост окончательно скрылся в зарослях, побежал к дому.

Название «Ами» не означает ровным счетом ничего, но я думаю, тайное, секретное значение у этого слова все же есть.

Согласно «Толковому словарю тайных значений и скрытых смыслов», «Ами» означает «самая скучная дыра на всем белом свете». Все эти парни и девчонки в форме католических школ на тротуарах, все эти – будто прямиком из 1950-х – домохозяйки, прямо в передниках рассекающие на мопедах по улицам... словом, жить здесь было примерно так же весело, как в десятый раз смотреть по ящику что-нибудь типа «Предоставьте это Биверу».

Нет, дело было не только в домохозяйках на мопедах и японских ребятах в форме католических школ на улицах. Жизнь в Ами казалась ненастоящей не из-за них. Точнее, не только из-за них – они в это тоже кой-какой вклад вносили, но главное было в другом. Во всех этих странных символах вместо латинского алфавита на вывесках, и в радиодикторах, тараторящих из приемников какую-то непостижимую белиберду, и в телешоу, в которых не было ни малейшего смысла, и в том, что домашние принимали все это как должное. Все это вместе меня из равновесия и выбивало.

Папе помог поскорее акклиматизироваться на новом месте его босс, мистер Фудзита, поэтому он, наверное, никакой дезориентации и не почувствовал. А миссис Фудзита с мамой, похоже, твердо решили стать лучшими подругами. Таким образом, у папы с мамой имелись переводчики, и это здорово облегчало им жизнь. Мистер Фудзита помог отцу в покупке машины. Мама узнала от миссис Фудзиты, в каких магазинах лучшие продукты, а в каких ресторанах делают

лучшие суши.

Папа работает в одной компании, что производит электронику, но упоминать ее название мне запрещает. Хотя о нем вы вполне можете догадаться сами. Этот бренд известен на всю Америку и рифмуется с английским словом «phony»³¹. Вот об этом-то слове мне и хотелось бы сейчас кое-что сказать. Обман! Липа! Именно так я и думал почти обо всех, с кем встречался в первые несколько недель. Все они были фальшивыми. Ненастоящими. Как – совершенно в духе Шекспира – сказал бы мой учитель английского там, дома: столкнулся я с культурой прохиндейства. С виду все гладко, все кланяются, извиняются, говорят, что это им следует благодарить тебя за предоставленную возможность преподнести тебе подарок, а я при этом неизменно чувствовал себя неловко. Вроде как виноватым.

Мне страшно не хватало американской прямоты. Чтобы кто-нибудь от души засигналил да заорал из окна машины: «Ну, какого хрена там застряли?!» Чтобы кто-нибудь сказал, что терпеть меня не может, и все такое прочее. Это же здорово помогает понять, как к тебе на деле относятся. Но японцы-то помешаны на деликатности! Ни слова не скажут в простоте. Если и злы, все равно продолжают улыбаться да твердить «спасибо-пожалуйста». Узнать, что у них на уме – дело безнадежное. Можно и не пытаться.

Когда я вернулся с той пробежки, моя сестра Лиз смотре-

³¹ Phony (англ.) – обман, подделка, «липа».

ла какое-то телешоу с ведущим, который просто обожал восклицать: «Хонто-о-о?!»³² – и публика всякий раз смеялась. И Лиз тоже смеялась, будто понимала, в чем юмор. Хотя она-то юмор действительно понимала. В отличие от меня. Лиз было всего тринадцать, но последние три месяца до переезда она старательно осваивала японский и выучила два из трех их алфавитов. И, когда мистер Фудзита встретил нас в аэропорту, сумела поздороваться с ним по-японски. Конечно, сестру я очень люблю, однако умна она просто-таки не по годам. Порой казалось, что это не я, а она вот-вот окончит школу и поступит в колледж.

Услышав мои шаги, она оглянулась и, все еще хихикая, сказала:

– Коннити-ва, Элия. Гэнки десу ка?³³

– Окей, наверное, – со вздохом ответил я.

Обычно я отказывался отвечать, если она заговаривала по-японски, но в этот день у меня уже не было сил на препирательства. Поэтому Лиз взглянула на меня с подозрением, и смех ее стих.

– Все окей? – переспросила она. – Нет, правда?

– Правда, – сказал я. – Все окей.

Ушел я в свою комнату, улегся на фuton и крепко задумался. Воздух казался липким от влаги, а маленький вентилятор без всякого толку гонял его из угла в угол. Систе-

³² В самом деле?! (яп.)

³³ Привет, Элия. Как поживаешь? (яп.)

ма кондиционирования у нас была, но через неделю после приезда мы перестали ей пользоваться. Папины друзья из «Phony International» наведались в гости, увидели работающий кондиционер и чуть в обморок от ужаса не попадали. Заахали, заохали:

– Этот воздух так дорог!

Мама и послушала, как слушала все, что бы кто из японцев ни посоветовал. Она часто вспоминала ту поговорку:

– Если ты в Риме...

Но я всякий раз говорил:

– Мы не в Риме. Мы в Ами.

Так вот, дышал я этой сыростью и думал. Со мной случилось что-то важное, только вот я не знал, как это объяснить. Уже хотелось обратно – туда, на поляну, к маленькому домику. Снова увидеть ту рыжую то ли лису, то ли собаку. Снова почувствовать внушаемый ею покой. Такого спокойствия я не чувствовал несколько месяцев, и стоило ощутить его на пару минут – уже захотелось еще, будто подсесть успел.

На следующий день, после школы, я решил рассказать обо всем Лиз. Родители определили нас в школу для детей из англоязычных семей. Учились там, в основном, ребята из Австралии, но все равно. Возможность говорить по-английски – это было круто, несмотря на кое-какие различия между моим английским и английским осси. Ну, например, какого хрена называть свитер джемпером? Зачем говорить «гузно» и «малой»? Впрочем, это ладно. Когда я рассказал Лиз о до-

мике в лесу, она пояснила:

– Это ты храм нашел, Элия. Японцы строят их в самых разных местах. Наверное, тот, что тебе попался, был чьим-то личным. Построенным одной семьей, или даже одним человеком.

– Выглядел он очень старым, – сказал я. – Понимаешь, не чинили его давно.

– Возможно, он заброшен, – ответила Лиз. – Может быть, человек, построивший его, умер.

– Значит, храм... – протянул я, задумчиво морща лоб. И, помолчав минуту, спросил: – А для чего он?

Лиз наклонилась вперед вместе с кухонным табуретом, радуясь моему интересу.

– Чтобы в нем жили боги, – сказала она. – Отсюда и все эти вещицы на ступеньках. Это жертвоприношения.

– Правда? – удивился я. – Вот это круто!

– Ага, – согласилась Лиз, – и это ты еще больших храмов не видел. Надо узнать, где тут поблизости крупные храмы, и съездить посмотреть. Бывают такие – огромные, народу там целая куча.

– Может быть, – неохотно сказал я.

В большие храмы вовсе не хотелось. Мой мне нравился и без кучи народу вокруг. От этого казалось, будто он – только для меня и для того, кто его выстроил. И для маленькой рыжей лисицы. Да, для лисицы, определенно. Вряд ли то же самое ощущение возникнет в большом храме, среди множе-

ства людей. А кроме этого... да, я, в общем и целом, вел себя прилично, но не хотел создавать у кого-либо впечатления, будто обживаюсь здесь. Казалось, от этого я потеряю что-то очень важное.

Я возвращался к храму в лесу еще несколько раз, но рыжей лисицы больше не видел. С одной стороны, был рад, что ее нет – из-за этого наша встреча казалась еще более особой, необычной, но в то же время немного расстроился. Уж очень хотелось еще разок прикоснуться к нежданному чуду. Уж очень хотелось понять, что оно значит. Поэтому, когда я возвращался, а лисицы на поляне не было, мне раз от раза все сильнее становилось не по себе, как до того дня, когда я отыскал лесной храм. В душе росла какая-то тоска. Иногда я ее прямо-таки чувствовал, как будто что-то твердое набухает в груди, давит на ребра. В такие моменты, когда тоска становилась особенно тяжела, я представлял себе, что там, в сердце, растет, строится храм – такой же храм, как там, в лесу – и от этого становилось чуточку легче.

Чтобы избавиться от всех этих чувств, я решил затусить с кем-нибудь из английской школы. И спросил одного пацана, Колина из Сиднея, не хочет ли он потусоваться. Сходили мы с ним в игорный центр, поговорили о том, какие у японцев шизанутые игры. Особенно нас озадачили автоматы-патинко³⁴. Залы с патинко были повсюду, сверкали неоновыми вы-

³⁴ Патинко – сочетание денежного игрового автомата с вертикальным пинбо-

весками на каждом углу, но ни один из нас не мог дотумкать, как играть в эту помесь пинбола с «одноруким бандитом».

– Чтобы это понять, нужно родиться японцем, – заметил Колин.

– А по-моему все это – просто ради того, чтобы гайдзинов³⁵ разыгрывать, – сказал я. – Толпы японцев в залах для патинко на самом деле – актеры, которым платят за то, что они притворяются, будто понимают, что делают, а нас тем временем снимают на камеры, и публика в студии, а с ней – пятьдесят миллионов японских телезрителей, сидящих по домам, угорают над тем, как глупые белые варвары из Америки и Австралии строят догадки насчет этих патинко...

– Как в романе Филиппа Дика, – со смехом сказал Колин. – Знаешь такого писателя? У него есть роман про парня, чья жизнь – на самом деле телешоу.

– А, верно, – вспомнил я. – Я, кажется, фильм такой видел. Этот Филипп Дик, небось, и сам из японцев. Иначе откуда так хорошо знает, что мир всегда не таков, каким выглядит? А уж Япония этим пронизана насквозь, от и до.

– О чем это ты? – не понял Колин.

– Ну, понимаешь, здесь все говорят одно, а думают совсем другое. Никто никогда не скажет, что чувствует на самом деле. А как рассыпаются в комплиментах твоему япон-

лом, одна из самых популярных игр в Японии.

³⁵ Иностранцев (*яп.*, просторечие, входит в список слов, не рекомендованных к употреблению в теле- и радиоэфире.).

скому! Нет, серьезно. Я как-то раз случайно сказал официантке «мне курицу, кудасай»³⁶, так она чуть на месте не растаяла!

– Не знаю, – сказал Колин. – По-моему, так оно, наверное, везде.

– А ты в Америке когда-нибудь бывал?

Колин помотал головой.

– Ну, если попадешь когда-нибудь в Штаты, тебя ждет большой сюрприз, – заверил я. – Там все что думают, то и говорят.

– Правда?

– Ага, – кивнул я. – И это просто здорово.

– Звучит угрожающе, – с сомнением протянул Колин.

– Это еще почему?

– Вот я, например, думаю много такого, чего вслух лучше не говорить. Бывает в жизни, что лучше на ссоры не нарываться, а говорить только самое важное.

Я кивнул и сказал, что Колин, пожалуй, прав, но на самом деле подумал, что мозги у него промыты, и все мои попытки хоть до кого-то дотянуться, хоть до кого-то достучаться, пошли псу под хвост. Нет, вы не думайте, Колин был парень кульный, но мне-то хотелось, чтоб меня поняли! А спорить о собственных чувствах совсем не хотелось. Я-то решил, будто мы обязательно друг друга поймем просто потому, что оба говорим по-английски. Но, видимо, внутри каждого языка

³⁶ Пожалуйста (яп.).

есть еще языки, и они тоже могут оказаться чужими, как бы тебе ни казалось, что ты понял все от и до.

После этого дня великого разобращения я решил: лучшее средство избавиться от непокоя – съездить куда-нибудь, где жизнь разнообразнее, чем в Ами. И остановил выбор на Токио. У папы ежедневная часовая поездка туда никаких затруднений не вызывала. Если уж Токио не отвлечет от тоски и тревог, наверное, это вообще ничему на свете не под силу.

Родителям я, чтоб не возникло лишних вопросов, сказал, будто пойду с Колином в игровой центр. Ближайшая станция железной дороги находилась в Усику, всего в двадцати минутах езды. Попросил маму посадить меня у ближайшего игрового центра, сказал ей, что заберет нас мама Колина, и, как только мама уехала, побежал через улицу к станции. А дальше целый час вместе с другими пассажирами клевал носом в такт покачиванию вагона. Поезд нес нас все дальше и дальше от пригородов. Под перестук колес я все гадал, сумею ли найти там, впереди, то, что заполнит пустоту внутри. Жуткое это, надо сказать, дело – когда ищешь чего-то, и сам не знаешь, чего.

Прежде, чем я успел понять, что ищу, поезд прибыл, и, выйдя на платформу станции, я будто с головой окунулся в море карих глаз и ламп дневного света. Поток пассажиров без остановки понесся вперед. Толпа подхватила, понесла к выходу и меня. Я то и дело натыкался на чьи-то плечи, спи-

ны, локти, и только бормотал:

– Простите... простите... простите...

Какой-то японец, пробегая мимо, толкнул меня так, что я закружился волчком, а, остановившись, увидел перед собой лестницу наверх, в город.

Стоило только подняться, метро тут же показалось мне образцом тишины и уюта. Время шло к вечеру, и народу на улицах было полным-полно. Ребята в кожаных штанах, девчонки в форменных юбках католических школ, шерстяных гетрах, как у танцовщиц, и викторианских корсетах... А на углу толпилась группа девчонок в костюмах зверей – тигров, бурундуков, скунсов; на щеках нарисованы белые полосы, будто кошачьи усы. Смеясь, они что-то кричали прохожим в мегафон, а на меня уставились, будто на самого чудного типа во всем городе. Местные парни были тощими, как девчонки, и прически носили девчачьи, и по-девчачьи тоненько хихикали. И курили все до одного.

К синему небу тянулись острые шпили небоскребов. На огромных экранах вдоль стен домов мелькали кадры телешоу. Перед глазами все закружилось, да так, что я чуть не упал. Хорошо, к стенке вовремя успел прислониться.

Токио – город-оригами. Складывается, сворачивается, глядишь – и что-то новое возникает практически из ничего. Улицы петляли, сливались одна с другой, исчезали без малейшего предупреждения, а после я, немного оглядевшись и направившись в торговые центры, обнаружил и здания,

спрятанные в других зданиях.

В Саншайн-сити, том самом торговом центре с семьюдесятью этажами магазинов, вошел я вроде как в игровой зал под вывеской «Намьятаун», но чем дальше шел, тем дальше тянулся и этот Намьятаун. Из современного торгового центра он превратился в закоулки древнего Токио, только вокруг было полно аттракционов и игр, где в качестве призов разыгрывались живые угри, а навстречу то и дело попадались странные персонажи – вроде Хелло Китти, но куда более злобные.

А в Тойота-билдинг целая стена была сделана в виде водопада, льющего с высокого обрыва. Камни по краям скалы заросли цветами и лианами – может, настоящими, может, искусственными. Из здания в здание вели эскалаторы, и вскоре я как-то незаметно оказался не в Тойота-билдинг, а где-то еще. Здесь снимали рекламу часов.

– Сумимасэн! Коно хэйя ни хайтэ-ва икемасэн!³⁷ – заорал кто-то, и меня мигом выставили со съемочной площадки на улицу.

Наступил вечер, город засиял розовыми, зелеными, синими, желтыми неоновыми огнями. Толпы на улицах сделались еще гуще, чем днем. Мимо меня прошла компания из нескольких монахов в длинных балахонах. На каждом углу стояли лотки, каждый из продавцов во весь голос нахваливал свой товар. Группы мужчин в синих халатиках, едва при-

³⁷ Извините! Не входите на площадку! (яп.)

крывавших задницу, плясали посреди улицы, удерживая на плечах носилки с какими-то божками или, может, святынями. Повсюду гремели, отбивая странные ритмы, барабаны, но, сколько я ни оглядывался, ни одного барабанщика не заметил.

К девяти вечера я начал подумывать о том, что пора отправляться домой, но с какой бы стороны на станцию ни спускался, никак не мог вспомнить названия нужной ветки. Пытался спрашивать встречающих, но никто из них не понимал по-английски, а если и понимал, то не желал тратить на меня время. Наткнувшись на белую женщину со светлыми волосами, я едва не обнял ее, как родную. Но, стоило спросить: «Простите, не могли бы вы помочь мне найти поезд на Усику?» – она открыла рот и ответила на каком-то языке, на английский ничуть не похожем.

– Сумимасэн!!! – в отчаянии заорал я, не обращаясь ни к кому конкретно, но слов, что помогли бы отыскать дорогу, у меня не было.

Отыскать дорогу, отыскать дорогу... Проклятие всей моей жизни! Выбившись из сил, я опустился на ближайшую станционную скамейку и задумался. О том, что дома, в Штатах, всегда точно знал, куда идти. О том, как нечестно поступил папа, заставив нас всех ехать с ним... Впрочем, эту последнюю мысль пришлось пересмотреть. Вовсе он нас не заставлял. Поехать в Японию хотелось всем, кроме меня. А против большинства не попрешь, пусть даже большинство

порой заблуждается. Хотя, если вдуматься, лично для меня единственным приятным впечатлением после переезда был этот самый лесной храм и встреча с рыжей лисой. И даже лиса эта куда-то пропала...

Около полуночи я поднялся и предпринял еще попытку найти свой поезд, и всего через пару минут увидел самую странную японскую девчонку из всех, какие только мне попадались.

Она стояла на платформе и ждала поезда. На ней был один из тех самых звериных костюмов, как на девчонках, которых я видел днем. Она нарядилась лисой – рыжей, с круглым белым пятном на животе. Капюшон откинула на спину, так что лицо ее я видел отчетливо. Именно лицо – а вовсе не костюм, или там сумочка в одной руке, а пышный рыжий хвост в другой – и оказалось в ней самым странным. И даже не столько лицо, сколько глаза. Лицо-то ее было японским, а вот глаза – зелеными!

Я заморгал, тут же вспомнив свою рыжую лисицу из Ами, и склонил голову набок – совсем как в тот день у лесного храма. И, наверное, глазел на нее довольно долго: когда я, наконец, стряхнул с себя оцепенение, то обнаружил, что она тоже смотрит на меня и улыбается. Заметив мое возвращение к реальности, она прикрыла ладонью губы и захихикала.

Я влюбился в нее в тот же миг. Ну, вроде бы. Это вправду было что-то наподобие любви, но какой-то непонятной, противоречивой. Как можно влюбиться в девчонку, одетую

в лисий костюм, и не задуматься, в своем ли ты уме? Но, как бы там ни было, это чувство меня подстегнуло. Рука сама собой, помимо моей воли, поднялась, будто я собирался о чем-то спросить учителя, а к тому времени, когда я осознал, что делаю, девчонка уже двинулась ко мне.

– Похоже, ты заблудился, – сказала она. – Давай помогу?

– Ты говоришь по-английски? – удивился я.

Девчонка кивнула.

– Да, говорю кое-как. Здесь многие говорят.

– Из тех, кого я спрашивал, никто не говорил.

– Значит, просто не тех спрашивал. Ты куда едешь?

– В Ами, – ответил я.

Девчонка изумленно вскинула брови.

– Хонто ни? – протянула она, совсем как ведущий из того телешоу, над которым хихикала Лиз, и указала на собственный нос. – Ами мати ни сундэ имасу³⁸.

Заметив мое недоумение, она снова перешла на английский.

– Прости. Это от неожиданности. Я тоже живу в Ами. Идем со мной.

– Мне можно поехать с тобой? – переспросил я.

– Да, – подтвердила она. – Идем, провожу.

Что самое смешное, бродил я по той самой линии, которую и искал. Просто ни на одной из табличек Усику не значилась как конечная. Но на это мне было плевать. Я просто

³⁸ В самом деле? Я тоже живу в Ами (яп.).

радовался, что наконец-то еду домой. Вагон оказался набит битком, но мы ухитрились сесть, иначе пришлось бы стоять, держась за ременные петли над головой. Когда мы уселись, я повернулся к ней и сказал:

– Меня зовут Элия.

– А меня – Мидори, – ответила она. – Хадзимемасьтэ.³⁹

– Хадзимемасьтэ, – сказал и я.

Хотя к тому времени я слышал это выражение уже сто-
пятьсот тыщ раз, хотя в первый месяц после приезда Лиз то
и дело пихала меня локтем, чтобы я не забывал отвечать тем
же, сейчас я был рад, что могу сказать ей: «Рад познакомиться». Не только потому, что она меня выручила, но и потому,
что знал ее секрет. Рыжий лисий костюм, зеленые глаза...
На самом деле, не очень-то и хитро. Я как увидел ее – в ту
же секунду понял: это она, моя рыжая лисица из храма в ле-
су! Последовала за мной, удостовериться, что я благополуч-
но доберусь домой...

Девчонка вынула из сумочки зеркальце и принялась про-
верять, все ли окей с ее макияжем. По три белые линии на
каждой щеке – то есть, усы, две перевернутые вверх ногами
V над бровями – ушки. Конечно, с макияжем все было пре-
красно. Старалась она ради меня – чтобы для меня все вы-
глядело реальным. Мне захотелось сказать, что притворять-
ся незачем: я знаю, кто она, но все окей, я же никому не ска-
жу. Упершись локтями в колени, я поднял на нее взгляд, а

³⁹ Рада знакомству (яп.).

поезд уже мчался вперед, унося нас из Токио.

Захлопнув зеркальце, девчонка увидела, что я смотрю на нее.

– Ты очень занятный, – сказала она. – Необычный.

– Ну, во мне-то ничего необычного нет, – возразил я. – А вот в тебе...

– О чем это ты? – спросила она.

Это меня слегка рассердило. Я-то надеялся, она не упустит намек и поймет: таким образом я хочу сказать, что знаю ее. Думал, это будет очень по-японски. Ну и обломался: она ведь сама – японка. Если и поняла намек, ни за что не подаст виду.

Поэтому я объяснил:

– Глаза у тебя зеленые. А у японцев зеленых глаз не бывает. Я бы сказал, очень даже необычно.

– А, это! – со смехом сказала она, указав на свои глаза. – Они не настоящие. Это контактные линзы. Прости.

– Ненастоящие? Правда?

Вместо ответа она сняла одну из линз – и вот, пожалуйста. Один глаз зеленый, другой – карий. Еще одна иллюзия. Значит, это вовсе не моя девушка-лисица... Я почувствовал себя полным идиотом. Все. Хватит фантазировать. В конце концов, это Япония, и мне не стоило забывать, что здесь вообще ничего реального нет.

– Дорогие – просто ужас, – пожаловалась она.

Я сказал, что подобные и в Америке продают.

– Мне нравятся зеленые глаза, – призналась она. – Надеваю эти линзы и чувствую себя совсем по-другому.

– По-другому... это как?

– Как будто я – это не я, а кто-то еще.

– Скажем, лисица? – усмехнулся я.

Девчонка надула губы.

– Тебе не нравится мой костюм? – с легкой обидой спросила она.

– Нет-нет, нравится, – сказал я. – Очень милый.

Правда.

– Кавай!⁴⁰ – подтвердила она. – Да, очень милый. Мне нравится. Когда я его надеваю, друзья зовут меня Кицунэ.

– Что такое «Кицунэ»?

– Девушка-лисица.

– О! – воскликнул я. – Ведь я именно так и подумал, как только тебя увидел. Девушка-лисица...

– Вот видишь, – наставительно сказала она. – Лисица подходит мне гораздо лучше, чем та, кто я есть, когда я не Кицунэ.

– А кто ты есть, когда ты не Кицунэ?

– Просто Мидори, – ответила она. – Дочь крестьянина, растящего капусту. Все время чего-то жду, все время мне чего-то не хватает. Отец не позволяет покинуть дом, если только я не выйду замуж. А мать умерла, когда я была совсем маленькой, и некому помочь мне уговорить его.

⁴⁰ Милый (яп.).

Я был поражен ее откровенностью, но вместо того, чтоб вытянуть из нее побольше подробностей, имел глупость спросить:

– Но если у тебя такой папа, как же ты едешь в Токио?

Она поднесла палец к бледным губам:

– Тс-с-с! Это секрет.

«И все же мне ты о нем говоришь», – подумал я, а вслух сказал:

– Значит, он выращивает капусту?

Казалось бы, такие совпадения невозможны. Но, стоило мне рассказать, где я живу, оба мы расхохотались: именно к ферме ее отца и привела бы та дорога, по которой я столько раз бегал, если не сворачивать на тропинку к храму в лесу. Мы оказались практически соседями! По этому поводу Мидори предложила и на такси из Усику ехать вместе. Так мы и сделали. Вызвала она такси, а когда мы доехали до перекрестка дорог к ферме ее отца и моему дому, расплатилась с водителем, и мы постояли посреди улицы, пока габаритные огни машины не скрылись в темноте.

– Отсюда домой доберешься? – спросила она.

Я кивнул.

– Спасибо тебе за помощь.

– Не стоит благодарности, – ответила она. – Я рада, что ты предоставил мне шанс приветствовать тебя в моей стране. Надеюсь, ты будешь здесь счастлив. Как я... сейчас.

Она поклонилась мне. Я поклонился в ответ и, вспомнив,

что каждый вечер, отправляясь спать, говорила Лиз, сказал:
– Оясуми!⁴¹

Мидори, направившаяся к отцовскому дому, помахала мне лисьим хвостом.

– Оясуми насай!⁴² – откликнулась она, и я побежал в противоположном направлении, чувствуя себя полным придурком.

Домой я явился почти в два ночи. Мама с папой меня ждались.

– Где же ты был? – осведомились они. – Мы заезжали за тобой, но в игровом центре тебя не оказалось. Тогда мы позвонили Колину, и он сказал, что ни в какой игровой центр с тобой не ходил.

«Вот тормоз этот осси, – подумал я. – Неужели не знает, что друг друга нужно прикрывать?»

Я слишком устал, чтобы врать, и потому рассказал все, как есть. Родители здорово рассердились на мой обман, но влетело мне не так уж сильно.

– Просто захотелось развлечься, – объяснил я. – А ездить поездом не так уж сложно.

С этим они поспорить не могли. И, прежде, чем отправиться спать, решили позволить мне раз в месяц ездить поездом в Токио, если захочу. Только чтоб больше не врать насчет того, куда собрался.

⁴¹ Спокойной ночи! (яп.)

⁴² И тебе спокойной ночи! (яп.)

– Ведь если бы с тобой что-нибудь случилось... – сказала мама. Голос ее задрожал. Казалось, она вот-вот заплачет. – Если бы с тобой что-нибудь случилось, мы даже не знали бы, где тебя искать.

К несчастью, способы пробудить в тебе чувство вины и у американцев имеются.

На следующее утро я поднялся и отправился на пробежку. А по пути решил заглянуть на капустную ферму и спросить Мидори. Ну, то есть, вот что подумал: раз уж у нас с самого начала неплохо пошло, может, здорово будет, когда рядом друг, который объяснит, что люди говорят, а то и японскому немножко научит. А то и... как знать? Сколько ей лет, я понять не сумел, но рассуждал так: дружить – это, конечно, круто, но вдруг у нас и что-то большее получится? Не может же она быть намного старше, верно?

Раздумывая обо всем этом, добежал я до развилки, свернул к дому ее отца и постучал в дверь. Навстречу мне вышел низкорослый, тщедушный старик.

– Мидори дома? – спросил я.

В ответ он нахмурил брови, скрестил руки на груди и с неожиданной злостью заговорил. Из его речи я не понял ни слова. Тогда он во весь голос крикнул:

– Ноу Мидори! – и захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

Что бы все это могло значить? В недоумении я повернул

обратно и углубился в лес, но вместо того, чтобы направить-
ся домой, свернул на тропинку, что вела к храму.

Храм стоял на своем месте. Усеянные монетами и разно-
цветными шнурками ступеньки еще не успели просохнуть
после утреннего дождя. Я сунул руку в карман шорт, отыс-
кал монетку в сто йен, опустился на колени, положил ее пе-
ред запертой дверцей и сказал:

– Большое тебе спасибо.

И повторил по-японски:

– Аригато годзаимас.

А когда поднялся на ноги, позади храма мелькнуло что-
то рыжее.

Я наклонился и заглянул за угол, надеясь увидеть мою ры-
жую лисицу, но ее там не оказалось. На утопанной земле
лежал ком рыжей с белым ткани. Я подошел, осторожно под-
нял его двумя пальцами, встряхнул... Да, тот самый. Костюм
Мидори. Я оглядел поляну, но самой Мидори нигде не было.
В голове тут же возник образ: вот она, без костюма, мчит-
ся по лесу, нагая фигурка мелькает в бамбуковых зарослях,
прячется за кустом, смотрит на меня, стоящего неподалеку
с ее шкурой в руках, сквозь зеленые линзы. Миг – и вот ее
уже нет, а там, за кустом, сидит рыжая лиса, покрытая насто-
ящим мехом, и наблюдает за мной нефритовыми глазами –
настоящими, без всяких линз. Вот она, ее настоящая шкура!

Вернувшись домой, я позвонил мистеру Фудзите и попро-
сил помочь мне переговорить со стариком с капустной фер-

мы. Конечно, он захотел узнать, зачем, и я рассказал, что познакомился с живущей там девушкой. Когда же мы с мистером Фудзитой явились туда, на стук снова вышел тот же самый щедушный старик, и мистер Фудзита затеял с ним долгий разговор. Кончилось тем, что старик поклонился и закрыл перед нами дверь.

По дороге домой я спросил мистера Фудзиту, о чем они говорили, и он ответил:

– Хозяин дома был очень расстроен твоим вопросом. Когда-то у него была дочь, да. И звали ее Мидори, да. Но она умерла много лет назад. Покончила с собой.

– Что? Покончила с собой? – не веря собственным ушам, переспросил я. – Почему?

– Он не сказал, – ответил мистер Фудзита. – У нас не принято говорить о таких вещах, Э-ри-я. Пожалуйста, пойми.

Конечно, такой ответ меня не удовлетворил, и на следующий день я снова побежал в лес, но, добравшись до храма, обнаружил, что лисий костюм тоже исчез. Постоял я какое-то время, не понимая, что, собственно, все это могло означать, а когда понял, почувствовал себя полным идиотом.

Ну да, это вправду была она! А я просто позволил себя одурачить, увидев, что ее зеленые глаза – контактные линзы. Оказался так глуп, что не поверил в истинную правду.

– Я знаю, это была ты, – прошептал я, повернувшись к полюне.

Но ответом был только легкий ветерок. Ни ее. Ни даже ее

голоса... Она стала для меня невидимой.

* * *

Никогда никому об этом не рассказывал, но в голове у меня сложился вот такой собственный образ, и я нередко о нем вспоминаю. Этот образ лишен всяких черт. Просто гладкая круглая физиономия, выющиеся темно-русые волосы да невнятные кривые на месте ушей. Даже не образ, а антиобраз какой-то. Когда бы я ни вспомнил о маме, папе или Лиз, их лица возникают в памяти без заминки. Длинные черные волосы мамы, острый носик Лиз, папины уши с большими мочками – жена мистера Фудзиты называет их «ушами Будды».

– Ухо Будды – добрый примета, – как-то раз сказала она. Да, мочки ушей у папы такие большие, что он может удерживать на них зернышко риса.

Ну, а я сам... Никогда в жизни не мог увидеть, как выгляжу на самом деле.

После встречи с Мидори я много размышлял об этом и часто вспоминал ее слова, что образ Кицунэ подходит ей гораздо лучше, чем образ Мидори. Что, только превращаясь в Кицунэ, она чувствует себя собой. Думаю, я ее понимаю. Может, даже понимаю, отчего она покончила с собой. Видно, просто решила сменить фальшивую шкуру на настоящую, в которой чувствовала себя много уютнее.

Не стану врать, будто после встречи с ней для меня все изменилось. Мне и сейчас одиноко. К тому же, теперь я острее прежнего чувствую, что знаю самого себя не так хорошо, как надо бы. Если вдуматься, именно это и было истинной причиной нежелания переезжать в Японию. Похоже, чуял я, что вне американских декораций, без помощи американской бутафории, перестану понимать, кто я. Пару недель назад я рассказал об этом Лиз, и та ответила, что волноваться тут не о чем.

– Меняться – это же окей, – сказала она. – Для человека это естественно.

По-моему, она умнее всех ребят в нашем квартале. Я этому жутко завидую, однако очень рад, что Лиз – моя сестренка, а не чья-то еще.

Что до Кицунэ, я много думаю о ней. Жалею, что не могу спросить, почему она решила сменить кожу таким ужасным образом и навсегда. Постоянно вспоминаю ее слова: «Надеюсь, ты будешь здесь счастлив. Как я... сейчас». И не могу понять, как она может быть счастлива и ни в чем не рассказывать, зная, каково придется отцу, когда он найдет ее старую шкуру.

Мне до счастья пока далеко, но на душе стало спокойнее. На будущий год поеду домой, поступать в колледж, и там, наверное, снова стану кем-то другим. Придется привыкать к этому – к смене одной шкуры на другую. Как говорит Лиз, иногда без этого не обойтись.

Еще я должен кое за что извиниться. В начале этой истории я предупреждал, что никакого смысла во всей этой грустной картине не будет. Однако это был обман. Наживка, чтоб зацепить тех, кто, как и я сам, заиклен на недостатках нашего мира. А если по правде, некоторый смысл в этой печальной сказке имеется. Вот вспоминаю я о Кицунэ, сбросившей старую шкуру, и вижу: жить в этом мире можно и по-другому, не только той жизнью, с которой я не желаю расстаться. Нет, я не стану менять жизнь так, как она, однако ее трагедия меня кое-чему научила. Даже все иллюзии Японии больше не кажутся мне иллюзиями. Или же весь остальной мир кажется точно такой же подделкой. Правду сказать, это – своего рода свобода.

На свете нет ничего реальнее масок, которые мы надеваем, чтоб показать друг другу, кто мы такие. Маска – она реальней тебя самого. Будь ты девчонкой в лисьем костюме или солидным бизнесменом, будь ты парнем-готом в пирсинге с головы до ног или японской домохозяйкой, что катит по улице на трескучем мопеле, не сняв кухонного передника, все это – наши маски. Что с этим можно поделать? Лучше всего – полюбить их.

Кристофер Барзак

Кристофер Барзак вырос в сельском районе Огайо и два года прожил в Японии, преподавая английский язык в одном из пригородов Токио. Его рассказы публиковались в антологиях «Лучшее фэнтези и ужасы года», *Salon Fantastique*, *Trampoline*, *Realms of Fantasy*, *Twenty Epics* и прочих журналах и антологиях. Недавно Крис вернулся из Японии и теперь преподает английский в Янгстаунском Государственном Университете, штат Огайо. Его дебютный роман *One for Sorrow* был удостоен премии имени Уильяма Кроуфорда за 2008 г. В 2009 г. в свет вышел его второй роман, *The Love We Share Without Knowing*.

Посетите его веб-сайт: christopherbarzak.wordpress.com.

Примечание автора

В Японию, чтобы преподавать английский в средней школе Эдосаки, я приехал, почти не зная японского языка. Мог разве что сказать «привет», или спросить «как поживаете». В отрыве от родного языка, в полной зависимости от доброты окружающих, которых я чаще всего не понимал, временами становилось не по себе. Но не прошло и месяца, как я освоил японский немного лучше, и, обретя возможность

увереннее общаться с людьми, почувствовал себя почти как дома.

Со многими курьезами, упомянутыми в этом рассказе, мне и моим друзьям-американцам в Японии приходилось сталкиваться лично. Достижения технического прогресса, которых в Америке еще не видали, странные личности на улицах, совершенно иная манера поведения и уровень вежливости – лишь немного из того, к чему нам пришлось привыкать. Одна из первых вещей, которые понимаешь, оказавшись за границей, состоит в том, что твой родной язык и культура – вовсе не пуп земли, хоть для тебя самого это и так. Да, осознать такое нелегко, но после этого чувствуешь себя намного свободнее, чем прежде. Так что – рекомендую. Не пожалеете.

Первоначальная безысходность, вызванная неспособностью поделиться с окружающими своими мыслями и чувствами, первоначальный шок, порожденный иной культурной средой, странной смесью Дальнего Востока, Америки 1950-х и фильма «Матрица», и послужили толчком к написанию этого рассказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.